

АРКАДИЙ ШМЕЛЁВ

АДВОКАТ ИЗ БУДУЩЕГО

ТОТ, КТО ЗАПЛАТИЛ

КНИГА ВТОРАЯ

Аркадий Шмелёв

**Адвокат из будущего.
Тот, кто заплатил**

«Автор»

2026

Шмелёв А. П.

Адвокат из будущего. Тот, кто заплатил / А. П. Шмелёв —
«Автор», 2026

Андрей Воронцов продолжает жить в Петербурге 1895 года под чужим именем — Сергей Корсаков. Теперь ему предстоит новое дело. Анну Нечаеву обвиняют в убийстве мужа. Он долго болел и умер несколько месяцев назад, но повторная экспертиза обнаружила в его теле следы яда, а в домашнем кабинете нашли флакон с мышьяком. Для следствия всё складывается слишком удобно: вдова, наследство, яд и возможность совершить преступление. Корсаков замечает другое. Флакон появился в доме уже после смерти Нечаева. Кто-то интересовался бумагами покойного, неизвестные люди приходили в дом, а следы ведут к конторе «Рейнгольд и сыновья». Пока Андрей пытается понять, кто и зачем подставил его клиентку, опасность приближается и к нему самому. Люди, знавшие прежнего Корсакова, всё чаще замечают: он изменился. А некоторые тайны опаснее любого обвинения.

Содержание

Глава 1. Перчатки	5
Глава 2. Условия	10
Глава 3. Дом на Фурштатской	15
Глава 4. Крепкая улика	19
Глава 5. Записи врача	24
Глава 6. Другой человек	28
Глава 7. Кто входил в дом	33
Глава 8. Прошлое покойного	38
Глава 9. Зачем травить умирающего	43
Глава 10. Совет	47
Глава 11. Обмен	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Аркадий Шмелёв

Адвокат из будущего. Тот, кто заплатил

Глава 1. Перчатки

Николай привёл её через минуту.

Анна Дмитриевна Нечаева вошла первой, служанка осталась у двери, всё так же держа сумку обеими руками, будто внутри было стекло. Андрей вспомнил эту сумку по чужому пере-сказу — финал прошлого дела, женщина в тёмном платье в приёмной. Тогда он видел её только через щель. Теперь она сидела напротив, и щели не было.

Тёмное платье, не траурное — просто тёмное. Перчатки серые, тонкой кожи. Она их не сняла, когда садилась, не сняла и потом, когда взяла у Громова листок с расписанием визитов, чтобы прочитав адрес конторы: держала бумагу двумя пальцами, как чужую вещь, которую вернёт через минуту.

— Александр Петрович сказал, что дело поведёте вы.

— Да. Сергей Николаевич Корсаков.

— Мне называли имя. — Она чуть наклонила голову, разглядывая его так же, как накануне Лавров: сравнивала с кем-то, кого не видела. — Простите, вы моложе, чем я представляла присяжного поверенного.

— Помощник присяжного поверенного, — поправил Андрей. — Пока.

— Пока?

— Формальность. Не относится к делу.

Она кивнула — приняла ответ, хотя явно не поверила ему до конца.

Громов сидел в углу, у окна, с бумагами Крестовского, которые не читал уже второй день, — держал их для вида. Он обещал не мешать и слово держал, но в комнате был.

— Расскажите, что случилось, — сказал Андрей.

— Вам ведь уже рассказали. Полиция была у меня вчера.

— Я хочу услышать от вас, не из протокола.

Нечаева помолчала.

— Мой муж, Пётр Ильич, умер в феврале. Врач написал — от болезни печени, осложнённой чем-то ещё, я не запомнила латинское слово. Похоронили как положено. Через несколько месяцев следствие решило, что смерть подозрительна, и пришлось снова. Вчера при повторном осмотре дома нашли яд. В шкафу, в кабинете мужа.

— В его кабинете, не в вашем?

— В его. Но кабинет теперь считается общим домом, а не отдельной комнатой мужчины. Так мне объяснили.

Она произнесла это ровно, без возмущения, как читают чужой протокол.

— Вы знали, что яд там?

— Нет.

— Совсем нет? Не подозревали, не видели пузырёк, не спрашивали у мужа, что это?

— Нет.

Три «нет» подряд, и все — одним тоном, без нажима и без дрожи. Так отвечают либо люди, которым нечего скрывать, либо люди, которые давно решили не позволять себе интонацию.

— Анна Дмитриевна, я должен спросить прямо. Вы отравили мужа?

Она посмотрела на него без удивления, только чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Нет.

— Тогда откуда яд в его кабинете?

— Не знаю.

— Это неудобный ответ для защиты.

— Мне жаль, что он вам неудобен. Правдивее у меня нет.

Андрей выдержал паузу, глядя на неё. Она не отвела взгляд и не задержала его нарочно — просто смотрела туда же, куда смотрел он, спокойно, как смотрят в окно на знакомую улицу.

— Расскажите про мужа. Чем болел, сколько.

— Года полтора. Сначала жаловался на усталость, потом на боль справа, под рёбрами. Худел. Доктор Величко наблюдал его последний год, приходил не реже раза в две недели.

— Пётр Ильич знал, что умирает?

— Доктор говорил ему правду. Величко не из тех, кто скрывает.

— А вам?

— Мне тоже говорил правду. Мы оба знали за несколько месяцев.

— Значит, ни для вас, ни для него смерть не была неожиданностью.

— Нет.

— Тогда зачем травить умирающего?

Нечаева впервые ответила не сразу.

— Не знаю. Об этом я думаю с той минуты, как мне сказали про яд.

— И к какому ответу пришли?

— Ни к какому. — Она сложила руки на коленях, всё ещё в перчатках. — Господин Корсаков, я понимаю, как это выглядит. Муж болен, жена рядом, наследство, яд в доме. Складная история. Я не могу предложить взамен другую такую же складную. У меня её нет.

— Значит, вы просите поверить вам без объяснения.

— Я не прошу верить. Прошу защищать.

Громов у окна не поднял головы, но перевернул лист чуть громче, чем требовалось.

Андрей отметил это и продолжил.

— Кто ещё бывал в доме в последний месяц перед смертью?

— Доктор Величко. Прислуга — экономка Дарья Кузьминична, горничная, кучер. Изредка деловые люди мужа, по конторским вопросам. Я не всегда была в комнате при их разговорах.

— Кто-то приходил чаще обычного?

— В последние недели — человек от расчётной конторы, с которой муж вёл дела. Дважды или трижды. Я не запомнила фамилию, муж представлял его коротко.

— «Рейнгольд и сыновья»?

Она посмотрела на него внимательнее.

— Кажется, да. Откуда вы знаете название?

— Пока не знаю, просто уже слышал его в другом деле. Совпадение возможно.

— У вас лицо человека, который не верит в совпадения.

— У меня лицо человека, который проверяет их отдельно от веры.

Она едва заметно опустила уголок рта — не улыбка, скорее признание точности фразы.

— Хорошо сказано для человека, который представляется помощником.

— Александр Петрович учит.

— Плохо учит, — сказал Громов из угла, не поднимая головы. — Слишком хорошо запоминает.

Нечаева взглянула на него, потом снова на Андрея, и что-то в её лице стало чуть мягче — первый раз за разговор.

— Он всегда так вмешивается?

— Только когда я говорю глупости достаточно тихо, чтобы он успел исправить.

— Или достаточно громко, чтобы промолчать было нельзя, — уточнил Громов.

Она снова стала серьёзной.

— Господин Корсаков, я должна сказать сразу: часть бумаг мужа у меня больше нет. Я сожгла их вскоре после похорон. Личную переписку, старые счета — то, что казалось не нужным никому, кроме нас двоих.

Андрей насторожился, но постарался не показать этого голосом.

— Когда именно?

— В марте. За два месяца до того, как следствие вернулось к делу.

— Что было в этих бумагах?

— Личное. К его смерти отношения не имеет.

— Это вы решаете или я?

— Пока решаю я. — Она произнесла это без вызова, просто как факт. — Если понадобится иначе, скажу.

Андрей посмотрел на неё дольше, чем позволял разговор.

— Анна Дмитриевна, я плохой защитник для человека, который держит от меня карты. Хороший ещё хуже.

— Я не прошу быть хорошим защитником в том смысле, который вы имеете в виду. Прошу делать то, что можно сделать честно, зная не всё.

— Это необычная просьба.

— У меня необычное дело.

Служанка у двери переступила с ноги на ногу, и сумка в её руках качнулась. Нечаева обернулась, коротко, и снова повернулась к Андрею.

— Дарья Кузьминична проводит меня везде эти дни. Следствие ходит по дому, соседи ходят взглядами. Мне спокойнее, когда рядом кто-то есть.

— Понимаю.

— Правда понимаете?

Вопрос прозвучал иначе, чем предыдущие, — не проверка вежливости, а что-то ближе к настоящему интересу.

— Отчасти, — сказал Андрей. — У меня тоже последние недели ходят соседи взглядами.

— Из-за дела Рогова?

— Из-за многого.

Она не стала уточнять, хотя явно могла.

— Что от меня требуется теперь?

— Письменное поручение на ведение дела, — сказал Громов, поднимаясь и подходя к столу. — Формально клиентка моя, Анна Дмитриевна, вы уже это слышали. Сергей Николаевич будет вести дело под моей ответственностью, я подпишу вместе с ним каждую существенную бумагу. Это не недоверие к нему. Это порядок в конторе.

— Хорошо.

— И ещё одно условие, — сказал Андрей. — Я не смогу защищать вслепую до конца. Рано или поздно вопрос про сожжённые бумаги встанет снова, и в суде я не смогу ответить «пока не скажу».

— Тогда отвечайте, что ответите к тому дню.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня есть сегодня.

Андрей взял перо, придвинул чистый лист.

— Хорошо. Начнём с того, что есть. Мне нужны протоколы осмотра дома — оба, первый и повторный. Список всех, кто входил в дом за последний месяц жизни Петра Ильича. И письмо доктору Величко — он должен сам подтвердить диагноз, а не пересказанный вами.

— Величко подтвердит без письма. Он говорил со следствием ещё позавчера.

— Мне нужно, чтобы он сказал это мне, не следствию.

Нечаева кивнула — этой методичности она, кажется, и ждала, и была ей рада.

— Что-нибудь ещё?

— Список прислуги с адресами, если кто-то из них уже не служит у вас. И фамилия человека из «Рейнгольда», если вспомните.

— Постараюсь вспомнить.

— Постарайтесь вспомнить точно, не постараться.

Она посмотрела на него прямо.

— Хорошо. Точно.

Андрей подвинул к ней лист поручения. Она взяла перо левой рукой, не снимая перчатки, и Андрей на секунду задержал взгляд — не на подписи, а на том, как аккуратно она обвела углы букв. Почерк был единственной вещью в этой комнате, которую она, судя по всему, контролировала полностью.

Подписала.

Отдала перо.

— Господин Корсаков, у меня будет один вопрос — не про дело, простите.

— Слушаю.

— Вы верите, что я его убила?

Андрей ответил не сразу, взвешивая, что скажет.

— Я не решил.

— Честно.

— Да. Но нерешённость лучше готового приговора. Я работаю с ней, не против неё.

Нечаева поднялась, поправила складку платья.

— Тогда мы понимаем друг друга ровно настолько, насколько это сейчас возможно.

— Пока достаточно.

Она направилась к двери. У порога остановилась, не оборачиваясь.

— Ещё одно. Про яд в шкафу. Полиция говорит, что пузырёк лежал не в глубине, а почти на виду, за книгами. Если бы я хотела спрятать, спрятала бы лучше. Если бы хотела, чтобы нашли, положила бы ещё виднее.

— Странное место, — согласился Андрей.

— Я спрашивала следователя, зачем прятать плохо. Он ответил, что это не его забота, а моя. Пусть, сказал он, защита думает за меня.

— Оболенцев так и сказал?

— Не назвался Оболенцевым. Молодой, худой, с усами. Держался вежливо, но смотрел так, как смотрят на дело, где приговор уже написан и ждёт только подписи.

— Это не Оболенцев, — сказал Андрей. — Оболенцев смотрит иначе.

— Утешительно знать, что бывает хуже.

— Бывает по-разному. Не всегда хуже.

Она едва заметно наклонила голову — не согласие, скорее пометка, что услышала.

— Да, — сказала она и вышла.

Служанка последовала за ней, всё так же держа сумку обеими руками.

Дверь закрылась.

Андрей остался стоять у стола с подписанным поручением в руках.

Громов подошёл, взял лист, прочитал подпись.

— Ну?

— Она не защищается, — сказал Андрей. — Не спорит, не убеждает, не плачет. Отвечает то, что считает нужным, и молчит там, где решила молчать.

— Это подозрительно или это характер?

— Не знаю. Пока не могу отличить одно от другого.

— Хороший ответ для первого дня.

— Она скрывает что-то в тех бумагах. Не убийство — что-то другое. Слишком спокойно объясняла, почему сожгла именно их, и слишком твёрдо отказалась говорить, что там было.

— Может быть, личное. Люди сжигают письма любовников и от менее серьёзных поводов.

— Может быть. — Андрей положил поручение на стол. — Но она не похожа на женщину, которая боится, что найдут любовную переписку. Она похожа на женщину, которая боится, что найдут что-то, за что отвечать будет не она.

Громов взглянул на него внимательно.

— Вы решили, что беретесь.

— Уже взялся. — Андрей кивнул на подпись. — Вопрос не в этом.

— А в чём?

— В том, что она не просит меня доказать её невиновность. Просит защитить, зная, что я не уверен. Это не то же самое.

— Совсем не то же самое, — согласился Громов. — Добро пожаловать во второе дело.

За окном темнело. Николай принёс лампу, не спрашивая, поставил на край стола и вышел, не сказав ни слова — он умел чувствовать, когда разговор ещё не закончен, даже если в комнате никто не говорил.

Андрей смотрел на подпись Нечаевой и думал о пузырьке, который лежал не в глубине шкафа и не на самом виду, а ровно посередине — как будто кто-то тщательно выбирал место, чтобы его нашли не сразу, но и не искали слишком долго.

Дело начиналось не с обвинения.

Оно начиналось с вопроса, который сама подзащитная задавать не собиралась: кому было нужно, чтобы яд нашли именно тогда, когда его нашли.

Глава 2. Условия

Утром Громов положил перед ним три листа, исписанные убористым почерком.

— Что это?

— Правила. Раз уж вы взялись за дело Нечаевой, будете вести его так, как веду я, а не так, как вели бы у себя, где бы это ни было.

Андрей не ответил на последнюю фразу. Громов иногда бросал такие обороты — «где бы это ни было», «в вашей прежней практике» — и смотрел, не дрогнет ли лицо. Лицо давно научилось не дрожать.

— Читайте вслух, — сказал Громов. — Мне нравится слушать собственные правила от чужого голоса. Проверяю, не звучат ли глупо.

Андрей взял верхний лист.

— Первое. Ничего не подписывать без вашей подписи рядом, пока дело жалобы Молчанова не закрыто.

— Верно.

— Второе. Ничего не обещать клиентке — ни исходов, ни сроков, ни того, что я лично в неё верю.

— Особенно последнее.

— Почему особенно?

— Потому что вы вчера едва не сказали ей, что не решили, виновна она или нет, с таким лицом, будто это утешение. — Громов сел напротив. — Для клиента это не утешение. Это откровенность, которую он не просил.

— Она сама спросила прямо.

— Прямой вопрос не отменяет того, что ответ бьёт. Отвечать нужно честно, но не обязательно немедленно и не обязательно всем весом сразу.

Андрей отложил лист.

— Вы сейчас учите меня быть менее честным.

— Я учу вас быть точным в дозировке. Это не одно и то же.

— Разница тонкая.

— Разница ровно в том, доживёт ли клиент до суда, не разувериваясь в защитнике на второй неделе.

За стеной хлопнула входная дверь — контора просыпалась. Кто-то из младших писцов уже скрипел пером в соседней комнате, кто-то жаловался на дождь, испортивший рукав сюртука.

Андрей слушал эти звуки третий месяц и до сих пор не мог решить, стали они привычными или он просто перестал их замечать так же остро, как в первую неделю. Разница была важна лично для него, хотя объяснить её никому здесь он не мог: привычка означала, что чужая контора становится своей, а невнимание — что он просто устал бояться.

Николай Сомов вошёл без стука — в их комнате это давно перестало быть нарушением — и положил на стол пачку писем.

— Утренняя почта. И это. — Он протянул отдельный конверт, плотный, с печатью Совета присяжных поверенных.

Громов взял, вскрыл, прочитал быстро.

— Совет назначил предварительное заседание по жалобе Молчанова через две недели. Не решение — только слушание, на котором изложат позиции.

— Уже быстро.

— Молчанов торопит. У него, видимо, свои причины спешить.

— Какие?

— Спросите у него сами, если получится разговор без свидетелей. Я бы на его месте не спешил — чем дольше тянется дело, тем больше шансов, что о нём забудут. А он хочет решения.

Андрей взял письмо, перечитал сухую формулировку: явиться, дать объяснения, представить документы о расходовании суммы.

— Что если меня отстранят?

— Тогда Нечаеву поведу я один, а вы будете полезны как человек, который приносит бумаги и подаёт советы, за которые я не отвечаю публично.

— Утешительно.

— Я не обещал утешать. Обещал говорить точно.

Николай, раскладывая письма по стопкам, сказал негромко, не поднимая головы:

— Молчанов вчера был у нотариуса на Гороховой. Тот же, у которого вы получали пакет Лаврова.

Андрей поднял взгляд.

— Откуда знаешь?

— Служит там знакомый писец. Обмолвился, когда я заходил по своим делам.

— Каким своим делам?

— Личным, Сергей Николаевич. — Николай улыбнулся уголком рта, коротко, без продолжения, и снова взялся за письма.

Громов перевёл взгляд на него, потом на Андрея.

— У вашего помощника завёлся собственный круг осведомителей.

— У меня их два года не было, а тут за месяц завёлся.

— Значит, вы стали интереснее. Не всегда комплимент.

Николай не стал спорить, только пожал плечами и вышел с письмами в приёмную.

Громов вернулся к правилам.

— Третье. О деле Нечаевой вы не разговариваете ни с кем за пределами конторы без моего ведома. Ни с Оболенцевым напрямую, ни с прессой, ни, разумеется, с Ковалёвым, если решите его нанять для розыска.

— Уже решил.

— Уже успели?

— Ещё нет, но решу сегодня. Мне нужен человек, который узнает про «Рейнгольд и сыновья» и про их служащего, приходившего к Нечаевым.

— Тогда нанимайте через меня. Счёт на контору, не на вас лично, — сколько бы у вас ни осталось от гонорара Рогова.

— Осталось немного.

— Именно поэтому.

Андрей кивнул, отметив про себя, что за месяц перестал спорить с этим доводом сразу, — привык.

— Четвёртое.

— Четвёртое самое простое, — сказал Громов. — Если Совет спросит, о чём вы говорите с клиентами до заседания, ответ один: обстоятельства уточняются, выводов пока нет. Никогда — «я уверен», никогда — «она невиновна». Это не адвокатская формула для суда. Это правило для собственной головы, чтобы не начать врать себе раньше, чем присяжным.

— Вы это по опыту знаете?

— По чужому. У меня был помощник, который однажды убедил себя в невиновности клиента настолько, что перестал слышать неудобные факты. Дело он проиграл некрасиво.

— Что с ним стало?

— Ушёл в нотариусы. Спокойнее.

— Утешительная история для первого дня второго дела.

— Я рассказываю её на второй неделе каждого крупного дела. У вас просто плотный график.

— И отдельно про само заседание, — сказал Громов. — Оно будет коротким: заслушают ваше объяснение, зададут вопросы, назначат срок решения. Само решение — позже, отдельным присутствием. На заседании не спорьте с формулировками жалобы. Молчанов написал её невнимательно, там есть слабые места, но ловить его на них рано. Пусть сначала прозвучит ваша версия целиком.

— Какая у нас версия?

— Правдивая, слегка причёсанная. Вы получили триста рублей как задаток по устной договорённости о розыске обстоятельств вокруг фабричного дела Крестовского. Договорённость не была оформлена письменно — упущение, за которое вы готовы нести дисциплинарную ответственность. Часть суммы потратили на розыск через Ковалёва, что подтверждается его распиской. Остальное собираетесь вернуть, как только определится, кому.

— Кому — я тоже пока не знаю.

— Именно поэтому в объяснении так и напишем: сумма зарезервирована до выяснения принципала.

— Звучит как отговорка.

— Это отговорка, — согласился Громов. — Хорошая отговорка отличается от плохой тем, что она правдива. Совет умеет отличать одно от другого, хотя не всегда хочет.

Андрей полистал письмо ещё раз.

— А если спросят про саму ночь? Про то, куда я ходил и с кем встречался?

— Отвечайте, что ведёте розыск в интересах клиента и связаны обязательством не разглашать имена, пока не завершите проверку. Это законное основание для молчания. Пользуйтесь им, а не выдумками про провалы в памяти — на официальном присутствии эта версия звучит не убедительнее, чем на суде.

— Я думал, вы её терпите ради удобства.

— Терплю, потому что альтернатива хуже. Но терпеть в разговоре с Николаем — не то же самое, что терпеть перед Советом присяжных поверенных. Там сидят люди, которые полжизни ловят чужую ложь профессионально. Не пробуйте их этой картой.

За окном хлопнула дверь парадной — пришёл кто-то из посетителей приёмной. Голос Николая, спокойный, объясняющий, что господин поверенный примет через четверть часа.

Андрей отложил листы правил.

— Александр Петрович, вчера она сказала одну вещь, которую я не понял до конца. Про пузырёк — что он лежал не в глубине шкафа и не на виду, а посередине. Слишком удобно найденный, но недостаточно, чтобы выглядеть подброшенным очевидно.

— И что вы из этого делаете?

— Пока ничего. Записываю как факт, требующий проверки.

— Уже прогресс. Месяц назад вы бы сразу построили теорию.

— Теория у меня уже есть. Просто я её не проговариваю вслух, пока не проверю хотя бы половину.

Громов взглянул на него с интересом, не насмешливым.

— Какая теория?

— Что яд подбросили не для того, чтобы её отравить памятью о преступлении, а чтобы дать следствию повод перестать искать что-то другое. Обвинить проще, чем разбираться в бумагах покойного.

— Смелое предположение для второго дня.

— Оно объясняет, почему пузырёк нашли не сразу и не случайно. Кто-то рассчитал время.

— Или у следствия просто было плохое первое расследование, и повторный осмотр нашёл то, что упустили в первый раз без всякого умысла.

— Тоже возможно.

— Вот именно поэтому не проговаривайте теорию вслух раньше времени, — сказал Громов. — Она красивая. Красивые версии опаснее уродливых — уродливую легче бросить, когда факты не сходятся.

Николай снова заглянул в дверь.

— Александр Петрович, к вам чиновник из торгового суда, по фабричному делу.

— Иду. — Громов поднялся, забрал листы правил, оставил Андрею только последний.

— Пятое правило прочитаете сами. Оно короткое.

Он вышел.

Андрей взял лист.

Пятое правило было написано отдельно от остальных, другим почерком — торопливее.

«Если однажды поймёте, что дело важнее клиентки — остановитесь и вспомните, зачем вообще берётесь за такие дела. Не за истину. За человека, который сидит напротив и просит защиты, а не приговора от вас лично».

Андрей перечитал дважды.

За стеной Громов уже говорил с чиновником — ровным, деловым голосом, без следа того, что написал минуту назад.

Андрей сложил лист и убрал в стол, туда же, где лежал запёртый ящик с единственной бумагой о себе самом.

Дверь снова открылась — Николай, с чернильницей и списком дел на день.

— Сергей Николаевич, Ковалёва вызвать сегодня или подождать протоколов?

— Сегодня. Чем раньше начнём искать Мезенцева и «Рейнгольда», тем меньше времени у кого-то будет спрятать концы.

— Хорошо. — Николай записал, потом добавил, не поднимая головы: — Сергей Николаевич, можно вопрос не по делу?

— Можно.

— Вы стали внимательнее с бумагами. Раньше вы иногда путали числа в счетах, теперь нет.

Андрей замер на секунду.

— Последствия удара по-разному сказываются.

— Странные последствия. Обычно после удара путают больше, а не меньше.

— Значит, мне повезло со стороной, по которой ударили.

Николай посмотрел на него — не подозрительно, скорее задумчиво — и ничего не сказал. Записал вопрос про Ковалёва в список, но у двери остановился.

— Сергей Николаевич, ещё одно. Дело трёхлетней давности, купца Гаврилина, — вы его сами вели, до меня ещё было начато. Помните?

— Смутно, — сказал Андрей и тут же понял, что ответ ничего не значит: он не помнил вообще, но «смутно» звучало безопаснее, чем честное «нет».

— Оболенцев спрашивал о нём вчера, между делом, когда заходил по фабричному вопросу. Сказал, что бумаги Гаврилина где-то у нас пересекаются с делом Северцева. Я обещал найти папку.

— Нашёл?

— Нет. В архиве её тоже нет. Странно — три года хранения обязательны, а папки нет.

— Может, забрал сам Гаврилин.

— Может быть. — Николай сказал это ровно, не настаивая, но задержался ещё на секунду, будто ждал, что Андрей сам предложит поискать вместе. Андрей не предложил.

— Найдёшь — покажи мне сразу, до Оболенцева.

— Хорошо.

Николай кивнул и вышел уже окончательно.

Андрей остался один в комнате, глядя на дверь.

Николай третий год работал с прежним Корсаковым в одной комнате. Он не задавал вопросов просто так.

Дело начиналось на два фронта сразу: одно — про женщину, которая не защищается, и второе, тише, про человека, который слишком хорошо помнит, как выглядел Корсаков раньше, чтобы не заметить, что теперь выглядит он иначе.

Глава 3. Дом на Фурштатской

Дом Нечаевых стоял в глубине двора, за невысокой оградой, — не парадный особняк, но добротный, каменный, с медной табличкой у ворот, где значилась прежняя фамилия: «Нечаев П. И.». Табличку ещё не сняли.

Дарья Кузьминична открыла сама, прежде чем Андрей успел постучать вторично.

— Барыня предупредила. Проходите.

Экономка оказалась женщиной лет пятидесяти, крепкой, с прямой спиной и взглядом, который сразу оценивал гостя целиком — от сапог до того, как он держит шляпу. Андрей выдержал этот взгляд спокойно; за месяц он научился не первым отводить глаза.

— Николай Сомов, помощник, — представил он спутника. — Будет записывать.

— Записывайте, — сказала Дарья Кузьминична без выражения и повела их внутрь.

Дом был прибран, но прибран так, как прибирают перед смотром, а не для повседневной жизни: ни лишней вещи на виду, ни следа хозяйского беспорядка. Андрей подумал, что либо Нечаева всегда так жила, либо после смерти мужа и визитов следствия дом привели в порядок нарочно, чтобы ничего не выглядело подозрительным ни на взгляд, ни на ощупь.

— Кабинет Петра Ильича, — сказала экономка, останавливаясь у двери в конце коридора. — Тут всё как было при осмотре, полиция велела не трогать.

Комната оказалась небольшой, с двумя окнами во двор, тяжёлым письменным столом и стеной книжных полок от пола до потолка. Пахло бумагой и слегка — лекарством, тем горьковатым запахом, который остаётся в комнатах, где долго болел человек.

— Здесь нашли пузырёк? — спросил Андрей.

— За книгами, на третьей полке снизу. — Дарья Кузьминична подошла и указала не глядя, не задумываясь ни на секунду. — Я сама эти книги протирала месяц назад, никакого пузырька не было.

— Вы уверены?

— Я протираю пыль в этом доме двадцать лет, сударь. Если бы там что-то стояло не на месте, я бы заметила.

— Кто ещё имел доступ в кабинет после смерти Петра Ильича?

Экономка задумалась, впервые не сразу ответив.

— Барыня. Я. Горничная Фрося, но она убирает только пол и окна, до книг не касается. Доктор Величко заходил дважды — за своими записями, которые оставлял здесь. И полиция, разумеется, дважды: в первый раз коротко, во второй — уже с обыском по-настоящему.

— Дверь запиралась?

— Ключ у барыни и у меня. Больше ни у кого.

— Никогда не терялся, не давали кому-то на время?

Дарья Кузьминична посмотрела на него внимательнее.

— К чему вы клоните?

— К тому, что если ключ был только у двух человек, пузырёк либо принесли эти двое, либо кто-то вошёл без ключа.

— Окно, — сказала она после паузы. — Первый этаж, во двор. Не заперто было ни разу за все эти годы, я проверяла позавчера сама, когда узнала про находку. Щеколда старая, гнётся легко.

Николай, записывавший разговор, поднял голову.

— Кто знал про щеколду?

— Кто угодно, кто хоть раз бывал во дворе и присматривался. Дворник знает, кучер знает, мальчишки, что бегают мимо, могли заметить.

Андрей подошёл к окну, осмотрел шеколду — действительно старую, с люфтом, который позволял открыть створку снаружи, не разбивая стекла.

— Во дворе есть сторож?

— Дворник Фома. Живёт при доме, но по ночам обходит редко — годы уже не те.

— В ночь перед вторым осмотром кто-нибудь замечал чужих во дворе?

— Не спрашивала. Могу спросить у Фомы, если угодно.

— Угодно. И сегодня же.

Экономка кивнула, коротко, деловито — как человек, привыкший исполнять поручения, а не обсуждать их.

Фому нашли во дворе, у поленницы. Старик оказался мельче, чем можно было представить по описанию «дворник», — сутулый, с реденькой бородкой, в тулупе не по сезону.

— Чужих ночью? — переспросил он, отставляя топор. — Так ведь дом — не крепость, барин. Кто ж их всех упомнит.

— Хоть кого-нибудь заметили за последние недели? Особенно ближе к тому дню, когда пришла полиция во второй раз.

Фома почесал бороду, глядя куда-то мимо Андрея.

— Один вечер точно был. Собака у соседей лаяла долго, я вышел глянуть — думал, чужой лезет. Никого не нашёл, только калитка со двора приоткрыта была, хотя я сам её вечером запирал.

— Когда это было?

— Дня за три до полиции, если правильно считаю. Я не по календарю живу, барин, по солнцу да по собаке.

— Собака чья?

— Соседская, у Прохоровых. Она чужих чует, своих — нет.

Николай записал ответ, отметив на полях: «уточнить дату у Прохоровых».

— Ещё что-нибудь необычное замечали в доме за последний месяц?

Фома подумал дольше, чем на предыдущий вопрос.

— Барыня стала выходить редко. Раньше почти каждый день куда-то ехала — то к докторам, то по гостям, пока барин болел. Теперь всё больше дома сидит, только два раза за месяц выезжала, и оба раза ненадолго.

— Куда?

— Не докладывалась мне, барин. Не моё дело.

— Разумно, — сказал Андрей и поблагодарил старика за разговор.

Андрей обвёл кабинет взглядом ещё раз. Полки, стол, узкий диван у стены — видимо, там Нечаев в последние месяцы отдыхал, не поднимаясь на второй этаж. На столе аккуратной стопкой лежали чистые листы, перо в подставке — всё убрано так тщательно, что казалось, хозяин вышел на минуту и вот-вот вернётся.

— Бумаги мужа Анна Дмитриевна забрала отсюда?

— Часть. Личные письма, старые счета — то, что она позже сожгла, как я понимаю. Деловые бумаги оставались здесь, потом их забрал поверенный из «Рейнгольда», когда приходил разбирать счета фирмы после похорон.

Андрей насторожился.

— Кто именно приходил?

— Молодой человек, назвался порученным от конторы. Приходил дважды, с барыниного разрешения, забрал папку с расчётами.

— Как его звали?

— Не запомнила фамилию. Барыня, наверное, помнит лучше — она с ним разговаривала дольше, я только впускала.

— Опишите его.

— Среднего роста, худощавый, лет тридцати. Держался вежливо, но нервно — то и дело поглядывал на дверь, будто ждал, что его окликнут.

Андрей переглянулся с Николаем. Описание не противоречило представлению о Мезенцеве, но и не подтверждало его — таких молодых людей в Петербурге были сотни.

— Когда именно он приходил?

— Первый раз через неделю после похорон, второй — где-то в конце марта. Точнее скажу, если посмотреть в книгу приходов, я записываю всех посетителей.

— У вас есть такая книга?

— Экономка обязана вести хозяйство, сударь, а не полагаться на память в старости. — В голосе впервые прозвучал оттенок сухой гордости. — Принесу.

Она вышла. Николай тихо сказал:

— Если книга подтвердит даты, у нас появится точка отсчёта для Мезенцева — раньше платежа Молчанову или позже.

— Именно. — Андрей снова обвёл кабинет взглядом. — И ещё одно: если полки протирали месяц назад и пузырька не было, кто-то принёс его между уборкой и вторым осмотром. Это узкое окно.

— Недели три.

— Достаточно, чтобы проверить, кто вообще заходил в дом за эти три недели.

Дарья Кузьминична вернулась с толстой тетрадью в тканевом переплёте и раскрыла на нужной странице.

— Вот. — Она провела пальцем по строчке. — Двадцать восьмого февраля, служащий от «Рейнгольда», фамилию не назвал, я записала «поверенный от Рейнгольда». Второй раз — двадцать второго марта.

— Кто-нибудь ещё за март, кого не бывало раньше?

Экономка перелистнула страницу назад, вглядываясь.

— Доктор Величко, как обычно. Одна дама, знакомая барыни, дважды. И... — она остановилась, — вот это странно. Пятнадцатого марта заходил человек, представившийся от Совета присяжных поверенных, спрашивал какие-то бумаги покойного хозяина по старому делу. Барыни не было дома, я его не впустила дальше передней.

Андрей замер.

— От Совета присяжных поверенных? Как выглядел?

— Немолодой, лет пятидесяти, с бородой, в приличном пальто. Фамилию не назвал вовсе, только звание — от Совета.

— Что именно спрашивал?

— Про какие-то старые бумаги хозяина, я толком не поняла, о чём речь, и передала барыне после её возвращения.

— И что она ответила?

— Сказала, что разберётся сама, и велела больше без неё таких посетителей в дом не пускать.

Николай записал имя без фамилии, пометив дату на полях.

— Мало ли кто представляется от Совета, — сказал он тихо, когда экономка отвернулась к шкафу. — Проверить стоит, но не строить пока ничего.

— Согласен. — Андрей повернулся к Дарье Кузьминичне.

— Эту тетрадь мне нужно будет одолжить, хотя бы на день, снять записи.

— Барыня разрешит, я думаю. Спрошу.

— Спросите сейчас, если можно.

Экономка ушла с тетрадью, оставив их в кабинете одних.

Николай подошёл к полке, где стоял пузырёк, присел на корточки, разглядывая нижние ряды книг.

— Сергей Николаевич, посмотрите. Пыль здесь снята пятном, не по всей полке. Кто-то брал книги и ставил обратно не совсем на те же места — вот тут корешок выступает на полпальца дальше соседних.

Андрей присел рядом. Действительно, три книги стояли чуть неровно — их недавно вынимали и ставили обратно второпях, не выравнивая корешки.

— Полиция при обыске?

— Возможно. Или тот, кто ставил пузырьёк за них, — сказал Николай. — Обеими руками не полезешь искать нужное место в перчатках, не потревожив соседние корешки.

— Запишите точно, какие книги и в каком порядке. Пригодится, если Оболенцев захочет сравнить с протоколом обыска.

Николай кивнул, начал переписывать заглавия.

Андрей ещё раз обвёл взглядом кабинет — стол, диван, полки — и остановился на мысли, которую пока не стал произносить вслух: тот, кто клал пузырьёк, явно не спешил и явно знал, куда прийти. Случайный вор так аккуратно книги не ставит.

Дарья Кузьминична вернулась.

— Барыня разрешила. Просила только вернуть тетрадь к вечеру, она ведёт по ней хозяйственные счета.

— Верну лично.

Экономка проводила их до передней. У самой двери Андрей остановился.

— Последний вопрос. Анна Дмитриевна в тот вечер, когда сжигала бумаги, — вы были в доме?

— Была. На кухне, барыня меня не звала.

— Долго горело?

— Не заметила по времени. Видела дым из трубы в её комнате дольше обычного, вот и всё, что могу сказать.

— Она была одна?

Дарья Кузьминична впервые замялась.

— Насколько мне известно.

— Это не ответ на вопрос, который я задал.

Экономка посмотрела на него прямо, и в этом взгляде читалось нечто вроде уважения — не к вопросу, а к тому, что его не отпустили без ответа.

— Кажется, к ней заходила знакомая дама в тот вечер. Ненадолго. Я не разглядела лица, темно уже было.

— Как давно это было относительно того, что вы говорили про март?

— За несколько дней до визита человека от Совета.

Андрей и Николай переглянулись снова.

На улице, когда дверь за ними закрылась, Николай сказал:

— Незапертое окно, книги не на месте, безымянный человек от Совета, дама, которую экономка не разглядела. По отдельности каждая мелочь ничего не значит.

— А вместе слишком много мелочей для одного тихого дома, — ответил Андрей. — Едем к Оболенцеву, покажем протоколы и спросим про обыск подробнее. Тетрадь с записями посетителей сверим в конторе — если понадобится, дадим переписать Николаю к вечеру.

Экипаж тронулся. Андрей смотрел в окно на медленно уходящий двор с медной табличкой у ворот и думал не о пузырьке — о том, с каким ровным спокойствием Дарья Кузьминична называла хозяйку «барыней», хотя дом уже не первый месяц выглядел так, будто в нём никто по-настоящему не жил, а только доигрывал привычные роли перед случайными зрителями.

Глава 4. Крепкая улика

Оболенцев принял их не на Гороховой, а в собственном кабинете при следственной части — комнате тесной, заставленной шкапами с делами, где даже стол казался лишним предметом мебели.

— Дело Нечаевой веду я, — сказал он вместо приветствия, прежде чем Андрей успел сесть. — Узнал вчера, что вы уже были у неё в конторе. Быстро.

— Она сама пришла.

— Охотно верю. Присаживайтесь.

Андрей сел, Николай остался у двери с папкой протоколов наготове.

— Вы позвали нас или мы вас? — спросил Андрей.

— Формально вы записались на приём. По существу — мне нужно было увидеть вас раньше, чем вы построите защиту на чём-то, что развалится через неделю.

— Приятное начало.

— Я не за приятностями сюда хожу. — Оболенцев достал из шкафа тонкую папку, положил на стол, не открывая. — Слушайте внимательно, Сергей Николаевич. Я скажу один раз, потом это будет звучать иначе — из уст прокурора на суде.

— Слушаю.

— У меня два протокола осмотра дома. Первый составлен через два дня после смерти Нечаева, когда причиной считали болезнь и обыска толком не было — только формальный осмотр по факту смерти. Второй — три недели назад, уже прицельный обыск после того, как доктор, проводивший вскрытие по новому распоряжению, нашёл в тканях следы, для болезни печени нехарактерные.

— Какого рода следы?

— Это вопрос к медицинской экспертизе, не ко мне. Спросите Величко или назначенного эксперта — я вам оба протокола дам, читайте сами. Меня сейчас интересует не яд в теле, а яд в доме.

— Пузырёк за книгами.

— Именно. — Оболенцев наконец открыл папку, вынул лист. — В протоколе второго осмотра записано: обнаружен на полке в кабинете покойного, за рядом книг, стеклянный флакон с остатками вещества. Экспертиза определила состав — препарат на основе мышьяка, применяемый в аптечном деле, но в концентрации выше лечебной.

— Кто-нибудь установил, откуда флакон взялся в доме?

— Аптечная маркировка стёрта, но по форме и стеклу — из аптеки на Литейном, я уже проверяю их книги продаж. Пока безрезультатно: за последний год слишком много похожих флаконов продано слишком многим людям.

Андрей кивнул, не перебивая.

— Теперь про крепость улики, о которой вы просили сказать прямо. — Оболенцев сложил руки на столе. — Отпечаток пальца на стекле смазан, идентифицировать нельзя. Свидетелей, видевших, кто клал флакон, нет. Сам по себе пузырёк доказывает только то, что яд в доме находился. Не то, кто его туда принёс и когда.

— Тогда в чём крепость?

— В другом. — Оболенцев достал второй лист. — Экономка на первом допросе показала, что протирала полки за месяц до второго осмотра и флакона не видела. Это подтверждает, что вещь появилась недавно, а не лежала годами незамеченной. Хорошо для защиты — сужает время появления. Но дальше хуже: горничная на том же допросе показала, что видела, как хозяйка около двух недель назад долго находилась одна в кабинете покойного мужа с закрытой дверью, хотя обычно туда не заходила.

Что-то внутри у Андрея напряглось, но он постарался не показать этого лицом.

— Одно посещение кабинета не доказывает, что она принесла яд.

— Не доказывает. Но обвинение построит на этом простую историю: одна из немногих, у кого был ключ, находилась в комнате незадолго до находки, наедине, за закрытой дверью. Присяжные любят простые истории, Сергей Николаевич. Вы это уже видели на деле Рогова.

— Видел с другой стороны стола.

— Теперь узнаете с этой же стороны, только по другому делу.

Оболенцев подвинул папку к нему.

— Здесь копии обоих протоколов и показания горничной. Читайте внимательно и не тяните времени — обвинительное заключение готовится, я не могу придерживать процесс ради вашего удобства.

— Сколько у меня есть?

— Официально — до предъявления обвинения решает прокурор, не я. Но по моей практике — недели три, может, месяц.

Андрей взял папку, взвесил в руке, будто вес мог что-то сказать о содержимом.

— Вы верите, что она отравила мужа?

Оболенцев посмотрел на него ровно, без раздражения на прямоту вопроса — он и сам умел задавать такие.

— Я верю в то, что складывается из фактов. Пока факты складываются в направлении, неудобное для вашей клиентки. Не в приговор — в направление.

— Разница, которую вы всегда мне напоминаете.

— Разница, которую вы, кажется, начали усваивать. — В голосе следователя мелькнула нотка одобрения, тут же убранный деловым тоном. — Есть ещё одна вещь, о которой я обязан сказать, хотя не должен.

— Слушаю.

— Ваша клиентка отказалась дать развёрнутые показания на первом допросе. Отвечала коротко, часто «не знаю» или «не помню». Для следствия это выглядит как несотрудничество. Для присяжных будет выглядеть хуже.

— Она отвечала так же и мне.

— Тогда у вас с ней завидное единодушие, только оно вам обоим повредит на суде.

Андрей помолчал, обдумывая.

— Что с показаниями доктора Величко?

— Подтвердил диагноз и то, что говорил обоим супругам правду о неизлечимости за несколько месяцев до смерти. Это, кстати, вам на пользу — по крайней мере частично снимает вопрос мотива в его наивной форме: зачем травить того, кто и так умирает.

— Прокурор найдёт, чем ответить на это возражение.

— Найдёт. Скажет, что человек мог умирать медленнее, чем хотелось наследнице, или что дело не в деньгах, а в чём-то личном, о чём вы с ней ещё не договорились.

Андрей поднял взгляд.

— Вы намекаете, что я чего-то не знаю.

— Я утверждаю это, а не намекаю. У вашей клиентки есть обстоятельство, которое она скрывает, — это видно даже мне, а я вижу её реже вас. Не могу сказать, какое. Но советую выяснить раньше прокурора, потому что если он выяснит первым, вопрос прозвучит на суде без вашей подготовки.

— Кто допрашивал горничную? — спросил Андрей. — Вы лично?

— Помощник, но я читал протокол и потом переспрашивал сам, коротко. Девушка держится уверенно, не путается в датах, хотя определить точный день ей было трудно — считала по тому, что в тот вечер к ужину подавали рыбу, а рыбу в доме подают по средам.

— То есть дата приблизительная.

— Приблизительная в пределах недели, не месяца. Для суда этого обычно достаточно, чтобы построить обвинение, и недостаточно, чтобы вы могли просто отмахнуться «свидетель ошибся».

— Она видела саму дверь закрытой или знает со слов кого-то ещё?

— Видела сама, проходя по коридору дважды за вечер. Оба раза дверь оставалась закрытой дольше обычного. Это её собственное наблюдение, не пересказ.

— У неё есть причины не любить хозяйку?

Оболенцев чуть улыбнулся, впервые за разговор — сухо, одними уголками.

— Вы уже спрашиваете как защитник, ищущий, кого дискредитировать. Отвечу честно: не заметил ни особой неприязни, ни особой преданности. Девушка отвечала ровно, без выгоды себе.

— Жаль.

— Для вас — жаль. Для дела — хорошо: значит, показание не выглядит сведением счётов, и вам будет труднее его снять со стола простым «она врёт из мести».

Николай у двери шевельнулся, но промолчал.

— Что скажете о сожжённых бумагах? — спросил Андрей. — Она признаёт, что сожгла часть переписки мужа.

— Знаю, сама сказала на допросе. Отказалась объяснить содержание. Формально это не преступление — сжигать собственные бумаги в собственном доме не запрещено. Но выглядит как уничтожение возможных доказательств, и прокурор так и представит.

— Вы можете принудить её объяснить?

— Не могу и не буду пытаться без достаточных оснований — это не в моих полномочиях без решения суда. Но обвинение спросит на суде публично, и там молчание будет выглядеть иначе, чем на допросе у меня в кабинете.

Андрей кивнул, отмечая это в памяти как ещё один срок, который придётся объяснить Нечаевой без обмана.

— У меня встречный вопрос, Михаил Васильевич. Кто занимался повторным вскрытием и почему решили его сделать через несколько месяцев после смерти, а не сразу?

Оболенцев чуть помедлил.

— Хороший вопрос, и я задавал его сам. Официально — поступило анонимное сообщение с указанием проверить обстоятельства смерти Нечаева внимательнее. Такое случается: соседи, недоброжелатели, иногда родственники с претензиями на наследство.

— У Нечаева есть родственники с претензиями?

— Дальний племянник, живёт в Москве, интереса к петербургскому дому раньше не проявлял. Проверял — приезжал единожды на похороны, больше не появлялся.

— А анонимное сообщение сохранилось?

— Уничтожается по правилам делопроизводства сразу после проверки, если не содержит прямых улик само по себе. Это было письмо без подписи, доставленное обычной почтой. Автора не установили и не будем — задача была не в этом.

— Удобно.

— Жизнь вообще редко даёт неудобные совпадения тому, кто ищет закономерность, Сергей Николаевич. Иногда письмо — просто письмо от бдительного соседа.

— А иногда нет.

— А иногда нет, — согласился следователь. — Вот почему я вам это рассказываю, а не молчу до суда. Хочу, чтобы вы искали закономерность так же внимательно, как я.

Андрей закрыл папку, поднялся.

— Спасибо за откровенность.

Оболенцев кивнул на прощание, но у самой двери добавил ещё одну деталь, вспомнив о ней только сейчас.

— Ещё, Сергей Николаевич. Аптека на Литейном упомянула, что примерно в тот же период похожий флакон приобретал человек, назвавшийся служащим страховой конторы — для истребления грызунов в конторском подвале, так он объяснил покупку. Имени не спросили, продажа была без рецепта.

— Совпадает по времени с визитами служащего «Рейнгольда» в дом Нечаевых?

— Примерно. Не могу утверждать точно без сверки дат, но достаточно близко, чтобы отметить это для вас особо.

— Запишу.

— Запишите и не делайте поспешных выводов, — сказал Оболенцев с прежней сухой интонацией. — Совпадение по времени — не то же самое, что доказанная связь, сколько бы раз мне ни приходилось напоминать вам об этом различии.

— Не благодарите раньше времени. Через месяц, когда я предъявлю дополнительные факты против вашей клиентки, вспомните этот разговор иначе.

— Как?

— Как разговор человека, который честно предупредил и от этого не стал вашим союзником.

Николай открыл дверь. У порога Андрей обернулся.

— Михаил Васильевич, ещё одно. Про «Рейнгольд и сыновья» — служащий их приходил в дом Нечаевых дважды после смерти мужа, забирал деловые бумаги. Проверяли?

Оболенцев посмотрел на него внимательнее, чем на предыдущие вопросы.

— Откуда вы это знаете?

— Из книги посетителей экономки.

— Не проверял. Запишу, спасибо за подсказку. — Пауза. — Вы быстро находите ниточки, Сергей Николаевич. Иногда быстрее, чем я успеваю за вами.

— Профессиональная привычка.

— У прежнего вас такой привычки не было. Он находил ниточки медленнее и часто не те.

Андрей не ответил на это, только кивнул на прощание и вышел, чувствуя спиной, что Оболенцев смотрит ему вслед дольше, чем требовало обычное прощание.

На улице Николай сказал:

— Он вас проверяет через каждое дело.

— Знаю.

— Вы очень спокойно это выслушиваете для человека, которому есть что скрывать.

Андрей взглянул на него быстро, но Николай уже отвернулся, подзывая извозчика, и лицо его снова стало обычным — лицом внимательного помощника, который просто исполняет свою работу.

В контору вернулись к вечеру. Громов выслушал пересказ разговора молча, не перебивая, и только в конце спросил:

— Значит, горничная и закрытая дверь.

— Да.

— Это плохо. Присяжные из простых сословий такие детали понимают быстрее, чем экспертизу о концентрации яда. Закрытая дверь — образ, который легко представить, легко пересказать соседу.

— Я знаю.

— Что собираетесь делать?

— Спросить у Нечаевой напрямую про этот день. Может быть, у закрытой двери есть простое объяснение, которое она просто не сочла нужным упомянуть.

— А если объяснение неудобное?

— Тогда буду знать заранее, а не на суде из уст обвинителя.

Громов не отводил от него взгляда дольше обычного.

— Вы всё увереннее говорите как человек, который собирается вести дело, а не просто присутствовать при нём.

— Кто-то должен.

— Осторожнее с этим тоном, Сергей Николаевич. Он вам идёт, но легко переходит в тон человека, уверенного больше, чем позволяют факты.

Андрей кивнул, признавая правоту, и отложил папку Оболенцева на край стола — рядом с той, что осталась от разговора с Нечаевой в первый день, будто две истории уже начали срастаться в одну.

Глава 5. Записи врача

Доктор Величко принял их в собственном кабинете на Знаменской — тесном, заставленном шкафами с инструментами, пропахшем карболкой сильнее, чем это бывает даже в больничных палатах.

— Насколько я понимаю, вы по делу Анны Дмитриевны, — сказал он сразу, не дожидаясь представления. — Она предупредила запиской, что вы придёте.

— Сергей Николаевич Корсаков. Мой помощник, Николай Сомов.

Величко оказался человеком лет шестидесяти, сухим, с усталыми глазами и той особой аккуратностью в движениях, которая появляется у врачей после десятилетий работы с чужими телами. Он усадил гостей, сам остался стоять у шкафа, будто в любой момент мог понадобиться его содержимое.

— Что вас интересует?

— Всё, что вы записывали о болезни Петра Ильича. С самого начала.

Величко достал толстую тетрадь в кожаном переплёте, полистал.

— Я наблюдал Петра Ильича около полутора лет. Первые жалобы — усталость, снижение аппетита, тяжесть под рёбрами справа. Обычная картина для многих болезней, я не сразу поставил точный диагноз.

— Когда поставили?

— Через три месяца после первого визита, после повторных осмотров и анализов. Заболевание печени, прогрессирующее, с плохим прогнозом. К тому времени процесс зашёл достаточно далеко, чтобы говорить о нём как о неизлечимом.

— Вы сказали ему правду сразу?

Величко посмотрел на Андрея внимательно.

— Не сразу. Сначала полгода щадил — говорил осторожно, оставлял место для надежды, хотя сам её не питал. Ближе к осени, когда стало ясно, что времени остаётся немного, сказал прямо. Пётр Ильич был человеком, который предпочитал знать правду, чтобы успеть распорядиться делами.

— Как он принял это известие?

— Спокойнее, чем я ожидал. Спросил только, сколько примерно осталось, и попросил не говорить жене раньше, чем сам решится.

— Когда он ей сказал?

— Через месяц, кажется. Точнее спросите у неё. Я присутствовал только при первом разговоре о диагнозе с ним самим.

Андрей отметил это в памяти — ещё один месяц, в течение которого Нечаева могла не знать или знать больше, чем показывала.

— Как протекала болезнь дальше?

— Обычно для такого диагноза. Ухудшение постепенное, с периодами относительного облегчения и обострениями. Последние два месяца жизни — почти постоянная слабость, боли, которые снимались только опиумом в возрастающих дозах.

— Кто назначал опий?

— Я, разумеется. Выписывал рецепты, следил за дозировкой.

— Дома было достаточное количество, чтобы...

Андрей не договорил, но Величко понял вопрос.

— Чтобы причинить вред нарочно? Опий в тех дозах, что я назначал, скорее убил бы медленно и с мучениями, чем быстро и незаметно. Не тот препарат, если целью было отравление.

— А мышьяк вы ему назначали когда-либо?

— Никогда. Мышьяковистые препараты применяются в дерматологии, изредка в других случаях, но у Петра Ильича показаний к этому не было ни разу за всё время наблюдения.

— Значит, флакон, найденный в кабинете, не имеет отношения к вашему лечению.

— Не имеет. Я узнал о находке от следствия, как и вы, вероятно, узнали от Оболенцева.

— У вас сохранились записи о точных дозах опия за последние недели? — спросил Андрей.

— Разумеется. — Величко перелистнул тетрадь дальше, к последним страницам. — Записываю каждое назначение, дату, количество. Иначе нельзя — препарат сильный, ошибка в дозировке убивает не хуже яда.

— Можно взглянуть?

Врач развернул тетрадь так, чтобы Андрей видел строки. Аккуратный, убористый почерк, даты через два-три дня, количество капель, растущее к концу списка.

— Последняя запись — за два дня до смерти. Доза увеличена ещё раз, по его собственной просьбе — боли усилились настолько, что прежнее количество не помогало.

— Кто присутствовал, когда вы делали последнее назначение?

— Анна Дмитриевна. Она обычно оставалась в комнате, когда я осматривал мужа, — не мешала, но и не выходила. Он сам, кажется, хотел, чтобы она слышала всё, что говорит врач, без пересказа через третьи руки.

— Она когда-нибудь сама давала ему лекарство, без вашего присутствия?

— Разумеется, между визитами кто-то должен был отмерять капли по расписанию. Обычно это делала она или экономка, я оставлял письменную инструкцию.

— Инструкция сохранилась?

— У меня — копия, оригинал оставался в доме. Могу приложить копию к тем бумагам, что дам вам сегодня.

— Буду благодарен.

Величко сделал пометку в блокноте — не забыть подготовить копию — и вернулся к прежней теме.

Николай, записывавший разговор, поднял голову.

— Доктор, вы делали вскрытие?

— Первое, сразу после смерти, — нет, не было необходимости при очевидном диагнозе и постепенном течении болезни. Повторное, три недели назад, по распоряжению следствия проводил уже другой врач, назначенный со стороны, для объективности. Я присутствовал как консультант, знакомый с историей болезни, но заключение подписывал не я.

— Что показало повторное вскрытие?

— Следы мышьяка в тканях, хотя и в концентрации, не позволяющей однозначно утверждать, было ли это единственной причиной смерти или сопутствующим обстоятельством при уже смертельной болезни. Формулировка эксперта была осторожной, я бы сказал — намеренно осторожной.

— Что это значит?

Величко на секунду замаялся, будто взвешивал, стоит ли говорить дальше.

— Это значит, что при желании заключение можно прочесть в любую сторону. Как подтверждение отравления, ускорившего смерть. Или как случайное присутствие вещества, не оказавшее решающего влияния на уже неизбежный исход.

— Вы сами какого мнения?

— Я врач, а не судья. Могу сказать одно: Пётр Ильич умер бы в течение ближайших месяцев в любом случае, с мышьяком или без него. Если яд и был, он скорее приблизил конец на недели, чем стал единственной причиной.

Андрей записал это дословно, попросив Николая пометить особо.

— Доктор, ещё вопрос. В последние недели жизни, когда вы приходили, замечали ли вы что-то необычное в доме? В поведении Анны Дмитриевны, в атмосфере?

Величко задумался дольше обычного.

— Она была измучена, как бывают измучены люди, ухаживающие за неизлечимо больным месяцами. Не скрывала этого. Один раз, помню, вышла из комнаты мужа с таким лицом, что я предложил ей самой прилечь и отдохнуть, а не провожать меня до дверей.

— Когда это было?

— Недели за три до смерти, может быть, чуть раньше. Не могу назвать точный день, простите.

— Она когда-нибудь спрашивала вас о дозировках лекарств? О том, сколько нужно, чтобы...

— Нет, — твёрдо сказал Величко, не дожидаясь конца вопроса. — Никогда. И, Сергей Николаевич, позвольте сказать прямо: я тридцать лет наблюдаю за тем, как ведут себя люди рядом с умирающими близкими. Есть характерное поведение у тех, кто ждёт смерти с облегчением, и есть у тех, кто её боится, даже понимая неизбежность. Анна Дмитриевна принадлежала ко вторым.

— Это профессиональное наблюдение или личное впечатление?

— И то, и другое. Врач без личных впечатлений в таких вопросах — плохой свидетель для суда, но и плохой врач для живых людей.

Андрей кивнул, ценя откровенность.

— Вы готовы подтвердить это на суде, если понадобится?

— Диагноз, лечение, отсутствие назначений мышьяка — да, без колебаний, это факты. Впечатление о её горе — тоже готов сказать, но предупреждаю: прокурор представит это как актёрство скорбящей вдовы, и опровергнуть такое представление труднее, чем факт из истории болезни.

— Понимаю.

— Хорошо, что понимаете. Многие защитники этого не понимают до самого суда.

— Доктор, последнее про сами похороны. Кто настаивал на быстром погребении, если настаивал вообще? Иногда это тоже читают как знак.

Величко посмотрел на него с лёгким удивлением — вопрос явно был неожиданным.

— Никто не настаивал на быстроте. Похороны прошли на третий день, как обычно у православных, ни раньше, ни позже. Если ищите в этом знак, не найдёте — время самое рядовое.

— Приходится проверять и рядовые вещи, доктор. Иногда именно они оказываются единственным, что действительно рядовое во всём деле.

— Разумный подход, — сказал Величко и, кажется, впервые за разговор посмотрел на Андрея не как на постороннего, а как на человека, чью работу стоит уважать.

Николай закрыл тетрадь с записями.

— Ещё один вопрос, доктор, — сказал Андрей. — Приходил ли кто-нибудь ещё консультироваться о состоянии Петра Ильича, кроме вас? Другие врачи, аптекари, кто-то, интересовавшийся именно медицинской стороной?

Величко покачал головой, потом остановился.

— Был один случай. За месяц или два до смерти ко мне обращался человек, представившийся служащим страховой конторы, спрашивал о состоянии здоровья Петра Ильича — обычная практика при больших полисах, я решил тогда. Ответил в общих чертах, без деталей, как полагается.

— Помните имя?

— Нет, простите. Обычный разговор, я не придавал ему значения тогда.

— От какой страховой конторы?

— Не назвал прямо, кажется, упомянул, что представляет интересы кредиторов покойного через одну из торговых контор. Точнее не вспомню.

Андрей переглянулся с Николаем. «Рейнгольд и сыновья» вели расчётное посредничество и, среди прочего, страхование — упоминание могло быть тем же самым следом или новым, отдельным.

— Спасибо, доктор. Если вспомните ещё что-то, пришлите записку в контору Громова.

— Непременно. — Величко проводил их до двери, у порога добавил тише: — Сергей Николаевич, одна вещь без протокола. Я знал Анну Дмитриевну и Петра Ильича шесть лет, задолго до болезни. Не могу представить её способной на убийство. Но шесть лет наблюдений не делают меня уверенным свидетелем — только человеком с мнением. Различайте эти вещи, работая с делом.

— Уже различаю, — сказал Андрей. — Спасибо за откровенность.

На улице Николай спросил:

— Что думаете про страхового служащего?

— Думаю, что список людей, интересовавшихся здоровьем и деньгами Нечаева при его жизни, длиннее, чем показывает первое чтение дела. И что почти никто из тех, кого мы находим, не называет своего полного имени охотно.

— Мезенцев тоже не называл?

— Мезенцева мы ещё не нашли.

Они пошли пешком вдоль Знаменской, не сразу подзывая извозчика, — вечер выдался сухим, редким для этого месяца, и оба, кажется, были рады отсрочке.

— Сергей Николаевич, можно личный вопрос?

— Можно.

— Вы верите доктору, что она боялась смерти мужа, а не ждала её?

Андрей подумал, прежде чем ответить.

— Верю, что доктор искренне так думает. Не уверен, что искренность наблюдения делает наблюдение точным. Люди хорошо горюют и хорошо лгут одним и тем же лицом — иногда одновременно.

— Это вы по прежнему опыту знаете?

Вопрос прозвучал невинно, но Андрей уловил в нём что-то большее — не первый раз за последние дни Николай задавал вопросы, которые звучали как вопросы о деле, а метили в другое.

— По опыту защитника, — ответил он ровно. — Видел достаточно вдов, чтобы не строить теорию на одном докторском впечатлении.

Николай кивнул, принимая ответ без спора, но что-то записал в собственном блокноте — не для дела Нечаевой, судя по тому, как быстро он его закрыл, заметив взгляд Андрея.

— Едем в контору, — сказал Андрей. — Нужно поговорить с Громовым насчёт Ковалёва и розыска Мезенцева, пока список неназванных людей вокруг этого дела не стал длиннее списка названных.

Глава 6. Другой человек

Лиза пришла в контору сама, без записки заранее, — редкость последних недель. Николай доложил тихо, почти виновато, за то, что не смог предупредить заранее.

Андрей вышел в приёмную. Она сидела на краю стула, в дорожном, судя по всему, платье, хотя никуда, насколько он знал, не собиралась.

— Что-то случилось?

— Ничего не случилось. Мне нужно было увидеть тебя не на бегу.

Он провёл её в свой кабинет, закрыл дверь. Громов в тот час был на заседании по фабричному делу — комната оставалась свободной.

Лиза села, огляделась внимательно, хотя бывала здесь и раньше — так осматривают комнату, ища перемены.

— Ты изменил расположение бумаг на столе.

— Удобнее так работать.

— Прежний Сергей держал всё в одной стопке и находил нужное по памяти, не глядя. Говорил, порядок для тех, кто не помнит, что где лежит.

Андрей промолчал, не зная, куда именно ведёт это наблюдение.

— Я не для того пришла, чтобы считать твои стопки, — сказала она, заметив его молчание. — Просто в последнее время замечаю такие вещи чаще, чем хотела бы.

— Зачем ты пришла?

Лиза сняла перчатки, аккуратно положила на колени — жест, неожиданно напомнивший Андрею Нечаеву, хотя сходства между женщинами почти не было.

— Мама Рогова была у меня вчера.

— Зачем?

— Благодарила. Тебя, Громова, весь процесс. Принесла пирог, представляешь. Испечённый, ещё тёплый.

— Ты его съела?

— Половину. Остальное отдала соседям — не могла есть пирог от женщины, чей сын всё равно сядет в тюрьму, даже за меньшее.

Андрей сел напротив неё.

— Она понимает, что мы сделали всё возможное.

— Понимает. Это не отменяет пирога от отчаяния. — Лиза посмотрела на него прямо. — Она сказала одну вещь, из-за которой я, собственно, пришла. Спросила, всегда ли ты был таким внимательным к деталям, или это после... болезни.

Андрей почувствовал знакомое напряжение в плечах.

— Что ты ответила?

— Что не знаю. Что раньше ты был внимателен к другому — к людям, к тому, что они хотят услышать. Теперь — к фактам, к датам, к тому, что можно проверить.

— Это плохо?

— Не плохо. Просто другое. — Она помолчала. — Сергей, я много думала после суда над Роговым. О том разговоре у экипажей, когда ты сказал, что многого не помнишь, и попросил не притворяться, будто скоро вспомнишь.

— Помню тот разговор.

— Я старалась держать слово. Не спрашивать больше, чем ты готов сказать. Но теперь у тебя новое дело, снова тёмное, снова с людьми, которые приходят к нашему дому и спрашивают бумаги. Я больше не могу просто ждать в стороне.

— Крамской не приходил после того случая?

— Не приходил. Но появился другой человек, на прошлой неделе, у лавки, где я обычно покупаю нитки. Не подошёл, просто стоял через улицу и смотрел, пока я не ушла.

Андрей выпрямился.

— Опишешь его?

— Обычного роста, в тёмном пальто, лицо не запомнила — далеко было. Может, я себе придумала лишнее, Сергей. После всей этой истории с Крамским я стала подозрительной к каждому прохожему.

— Может быть, — сказал Андрей, хотя внутренне отметил рассказать об этом Ковалёву при первой возможности.

Лиза сжала перчатки в руках.

— Ты снова говоришь со мной так, как говорит защитник с клиентом. Успокаиваешь, ничего не обещая.

— Прости.

— Не извиняйся. Просто скажи прямо: мне нужно бояться?

Андрей выдержал паузу, взвешивая, что можно сказать честно, не пугая и не обманывая одновременно.

— Не знаю наверняка. Знаю, что дело, которым я сейчас занимаюсь, связано с людьми, чьи интересы больше, чем кажется на первый взгляд. Осторожность точно не повредит.

— Как обычно — не «да» и не «нет».

— Как обычно — правда в той мере, в какой я её знаю.

Лиза перевела взгляд на стол, где среди прочих бумаг лежала папка с делом Нечаевой — Андрей не успел убрать её перед разговором.

— Это новое дело?

— Да.

— Убийство?

— Пока подозрение. Женщина, обвиняемая в отравлении мужа.

— Она виновна?

— Не знаю.

— Ты никогда не знаешь, — сказала Лиза без осуждения, скорее с усталым узнаванием. — Раньше ты хотя бы делал вид, что уверен, даже когда сомневался. Громче говорил, уверенность смотрел в глаза.

— Это было притворством.

— Может быть. Но иногда притворство удобнее правды, Сергей. Особенно для тех, кто рядом.

— Ты предпочла бы, чтобы я снова притворялся?

Лиза покачала головой.

— Нет. Просто объясняю, почему замечаю разницу так остро. — Она снова посмотрела на папку. — У неё есть дети?

— Не знаю. Не спрашивал.

— Странно, что не спросил в первую очередь.

Андрей задумался — вопрос действительно не приходил ему в голову ни разу за три дня работы над делом, хотя должен был.

— Спрошу при следующей встрече.

— Спроси. Это важно не для дела, а для того, кто перед тобой сидит.

Лиза долго молчала, глядя на свои руки.

— Я скучаю по тебе, — сказала она наконец. — Не по тому, кем ты стал за этот месяц. По тому, кем ты был раньше — глупее, легкомысленнее, но моим братом целиком, без провалов.

Андрей не нашёл, что ответить сразу. Слова были правдой не про него — про человека, которого он никогда не знал, — но боль в её голосе была настоящей и требовала ответа.

— Я понимаю, что тебе тяжело, — сказал он наконец. — Не могу вернуть то, чего нет. Могу только стараться быть рядом тем, кем получается.

— Это уже не смешно, Сергей. Раньше, когда ты говорил такие вещи, в этом была ирония — ты сам смеялся над собственной серьёзностью. Теперь ты говоришь это прямо, без единой трещины в голосе.

Слово задело — Андрей понял, что она не выбирала его случайно.

— Значит, я стал серьёзнее.

— Ты стал чужим в знакомой форме, — сказала Лиза тихо. — И самое страшное, что мне это... не так неприятно, как должно бы быть. Ты внимательнее слушаешь. Реже раздражаешься по пустякам. Иногда я ловлю себя на мысли, что новый ты — лучше прежнего. И тогда мне становится стыдно за эту мысль, потому что она означает, что я предаю память о брате, которого, получается, уже не вернуть.

Андрей молчал, чувствуя, что любые слова здесь будут либо ложью, либо раной глубже той, что уже есть.

— Лиза, я не могу сказать тебе того, что оправдало бы это чувство или сняло его. Могу только сказать, что мне не всё равно, каково тебе.

— Знаю. — Она поднялась, надела перчатки обратно, медленно, будто оттягивая момент ухода. — Я не жду от тебя решения, Сергей. Просто хотела, чтобы ты знал: я вижу разницу. Каждый день вижу.

— Знаю, что видишь.

— Тогда хотя бы не делай вид, что не замечаешь моего взгляда.

— Не делаю.

Она подошла к двери, остановилась.

— Пирог всё-таки был неплохой. Жаль, что ты не попробовал.

— В следующий раз оставь кусок.

— В следующий раз, — повторила она, и в голосе впервые за разговор прозвучала прежняя лёгкость, — если будет следующий раз с пирогами, а не только с делами про яд и мёртвых мужей.

— Постараюсь заслужить пирог без трупа в основании.

Лиза улыбнулась — коротко, но настояще.

— Уже лучше.

Она ушла. Андрей остался стоять у окна, глядя, как она пересекает двор, аккуратно обходя лужу, оставшуюся после утреннего дождя, — движение, слишком мелкое, чтобы быть значимым, и всё же он отметил его, как отмечал последние недели всё, что касалось её.

Николай заглянул в дверь минуту спустя.

— Всё в порядке, Сергей Николаевич?

— Более или менее.

— Елизавета Николаевна выглядела расстроенной, уходя.

— Она имеет право быть расстроенной.

Николай не стал уточнять дальше, хотя во взгляде читалось, что вопрос остался незадачным не из деликатности, а из выжидания.

— Кстати, — сказал он, — Ковалёв прислал записку. Готов встретиться сегодня вечером, если удобно.

— Удобно. — Андрей отвернулся от окна. — Пусть приходит к семи.

Оставшись один, он снова сел за стол и достал лист с заметками по делу Нечаевой, но несколько минут просто смотрел на него, не читая, думая о человеке в тёмном пальто через улицу от лавки с нитками и о том, как много вещей вокруг него в последнее время оказывались не тем, чем выглядели на первый взгляд.

Вечером, ровно в семь, в контору явился Ковалёв — невысокий, неприметный человек с быстрыми глазами, из тех, кого невозможно описать после встречи ничем, кроме общих слов: среднего роста, неопределённого возраста, в костюме, который не запоминается.

— Александр Петрович просил зайти к вам напрямую, — сказал он, усаживаясь без приглашения на стул у стола. — Значит, дело серьёзное.

— Серьёзное. Мне нужен человек по фамилии Мезенцев. И сведения о конторе «Рейнгольд и сыновья» — кто там служит, с кем имеют дело, как ведут расчёты.

Ковалёв кивнул, не записывая — по опыту Андрей уже знал, что этот человек помнит поручения без бумаги, а бумагу ведёт только для отчётов о расходах.

— Мезенцев — фамилия распространённая. Есть что-то ещё, кроме фамилии?

— Пока нет. Известно, что он получал деньги через «Рейнгольда» и, возможно, связан с делом покойного Нечаева.

— Нечаева, — повторил Ковалёв, чуть прищурившись. — Того, о котором сейчас шепчутся в судебных кругах?

— Того самого.

— Опасное дело выбрали, Сергей Николаевич. Люди вокруг «Рейнгольда» не любят, когда в их расчётах рожются посторонние.

— Мне не привыкать к нелюбви заинтересованных сторон.

Ковалёв усмехнулся коротко, без насмешки — скорее с профессиональным уважением.

— Хорошо. Возьмусь. Задаток обычный?

— Через контору, как договорено с Александром Петровичем.

— Разумно. — Ковалёв поднялся. — Дайте неделю на первые сведения. «Рейнгольд» контора не маленькая, но и не настолько большая, чтобы прятать концы навечно.

— И ещё одно, — сказал Андрей, тоже вставая. — Мою сестру, Елизавету Николаевну, кажется, вчера рассматривал незнакомый человек у лавки на Литейном. Присмотрите за домом, если сможете выделить кого-то на пару дней.

Ковалёв посмотрел на него внимательнее.

— Личное или связано с делом?

— Не уверен. Поэтому и прошу присмотреть.

— Сделаю. — Он уже взялся за шляпу, но у двери обернулся. — Сергей Николаевич, можно нескромный вопрос?

— Можно.

— Вы стали осторожнее с людьми за последний месяц. Раньше ходили напролом, теперь считаете на два шага вперёд. Что случилось?

Андрей выдержал его взгляд.

— Обстоятельства научили.

— Обстоятельства редко учат так быстро и так основательно. — Ковалёв слегка склонил голову, не то с уважением, не то с подозрением, трудно было сказать точно. — Впрочем, не моё дело. До связи через неделю.

Он вышел. Андрей остался в пустой конторе один, слушая, как гаснут звуки дня за окном.

Николай зашёл ещё раз, уже собираясь домой, — накинул пальто, взял шляпу с вешалки.

— Спокойной ночи, Сергей Николаевич.

— Спокойной.

— Про Елизавету Николаевну вы правильно сделали, что попросили Ковалёва присмотреть. Я слышал через дверь.

— Не самая тайная беседа получилась.

— Контора маленькая, стены тонкие. — Николай помедлил у порога. — Если понадобится ещё чья-то помощь, не стесняйтесь спрашивать. Я третий год здесь, знаю город не хуже Ковалёва, хоть и без его связей.

— Учту.

— Спокойной ночи, — повторил Николай и вышел, тихо прикрыв дверь.

Андрей остался один, думая о том, что список людей, замечающих в нём перемену, растёт быстрее, чем список подозреваемых по делу Нечаевой, и что рано или поздно эти два списка начнут пересекаться.

Глава 7. Кто входил в дом

Горничную звали Фросей, полностью — Ефросинья Тимофеевна, но фамилию она произнесла так неохотно, что Андрей решил не переспрашивать дважды.

Разговор устроили в доме Нечаевых, в маленькой комнате при кухне — Дарья Кузьминична настояла, что допрашивать прислугу в гостиной неприлично, и Андрей не стал спорить с её представлением о приличиях.

Фрося оказалась совсем молодой, лет девятнадцати, с покрасневшими от волнения руками, которые она то и дело вытирала о фартук, хотя фартук давно был сухим.

— Вы уже говорили со следователем, — начал Андрей мягко, стараясь снять напряжение. — Мне нужно то же самое, только своими словами, не для протокола, а для понимания.

— Я ничего плохого не говорила про барыню.

— Я не думаю, что вы говорили что-то плохое. Хочу понять картину целиком.

Фрося кивнула, всё ещё настороженно.

— Расскажите, кто бывал в доме в последний месяц перед смертью барина.

— Доктор, как обычно. Кучер Пантелей, но он больше при конюшне, в дом почти не заходит. Дарья Кузьминична — она везде. Я убираю. Ну и...

Она замялась.

— Кто ещё?

— Человек от конторы, что деньгами барина занималась. Приходил пару раз.

— От «Рейнгольда»?

— Кажется, так называлась. Я плохо запоминаю такие слова.

— Опишите его.

— Молодой, худой, всё торопился, поглядывал на часы, будто боялся опоздать куда-то ещё.

Описание совпадало с тем, что дала Дарья Кузьминична, — не новость, но подтверждение.

— Кто-нибудь ещё, кого не называла Дарья Кузьминична?

Фрося посмотрела в сторону, потом снова на Андрея.

— Экономка не всё видит, сударь. Она в доме главная, но не всюду поспевает.

— Что она не видела?

— Барыня... — Фрося понизила голос почти до шёпота, оглянувшись на дверь. — Барыня иногда сама открывала дверь, когда Дарья Кузьминична была занята на кухне или в верхних комнатах. Не всегда звала меня или её.

— Кому она открывала сама?

— Не знаю точно. Один раз видела, как она провожала кого-то до калитки поздно вечером, недели за две до смерти барина. Темно было, лица не разглядела.

— Мужчину, женщину?

— Женщину, кажется. Платок на голове, тёмный плащ.

Николай, сидевший в углу с блокнотом, поднял голову.

— Дарья Кузьминична говорила о похожем визите, но относилась к более позднему времени — уже после смерти, перед сожжением бумаг.

Андрей повернулся к Фросе.

— Вы уверены, что это было до смерти барина, а не после?

— Барин точно был ещё жив, сударь. Я слышала, как он кашлял наверху, пока барыня провожала гостью.

Это не совпадало. Экономка говорила об одном визите неизвестной женщины, ближе к марту, уже после похорон. Горничная — о другом, за две недели до смерти, ещё при жизни

Нечаева. Либо это были две разные гостыи, либо кто-то из двух женщин ошибался во времени, либо путал сами события.

— Опишите платок точнее, если сможете.

— Тёмный, простой, не праздничный. Похож на те, что носят компаньонки или бедные родственницы, не служанки, но и не богатые дамы.

— Она приходила ещё когда-нибудь, до этого раза или после?

— Не видела больше. Может, приходила, когда я не смотрела.

Андрей записал детали, отметив про себя необходимость сверить даты точнее — через книгу посетителей, которую вела экономка, и через саму Нечаеву напрямую.

— Ещё вопрос, Фрося. В ночь, когда барыня, по вашим словам, долго сидела одна в кабинете барина с закрытой дверью, — это было при вас?

Девушка вздрогнула — вопрос застал её врасплох, хотя должен был ожидаться после разговора со следствием.

— Да, я тогда проходила по коридору.

— Опишите точно, что вы видели.

— Дверь была закрыта. Я слышала, как барыня внутри двигает что-то — вроде бы книги переставляет. Один раз показалось, что она плачет, но тихо, я не уверена.

— Долго это продолжалось?

— Не засекала по часам. Долго, дольше, чем обычно она там бывала.

— Она выходила оттуда с чем-нибудь в руках?

Фрося задумалась.

— Не заметила. Я не стояла и не смотрела специально, просто мимо проходила по своим делам два раза за вечер.

— Два раза, — повторил Андрей. — В первый раз дверь уже была закрыта?

— Да.

— А во второй?

— Тоже закрыта ещё.

— Между этими двумя разами прошло сколько времени?

— Может, час, может, больше. Я убирала в других комнатах, точно не считала.

Николай тихо спросил, не поднимая головы от блокнота:

— Барин в это время был жив ещё?

— Жив, но совсем плох уже. Не вставал почти.

Андрей помолчал, обдумывая, как связать это с показаниями Величко о времени последнего усиления дозы опия — примерно тот же период, за две-три недели до смерти.

— Фрося, ещё один вопрос, важный. Вы никогда не видели у барыни или в доме пузырьрёк, похожий на аптечный, кроме тех, что прописывал доктор?

— Нет, сударь. Только те, что доктор оставлял, с наклейками его почерком.

— Вы бы заметили чужой пузырьрёк, если бы он появился?

— Наверное, заметила бы. Я убираю в кабинете каждый день, хоть и не трогаю книги на полках — только пол и подоконники.

— Значит, полки — не ваша забота.

— Дарья Кузьминична сама протирает книги, раз в месяц примерно. Говорит, я слишком неловкая для чужих переплётов.

Это подтверждало слова экономки — только она регулярно касалась полок, значит, круг тех, кто мог незаметно поставить флакон именно туда, оставался узким: сама Дарья Кузьминична, Нечаева, доктор при визитах, и, возможно, служащий «Рейнгольда», если его пускали в кабинет одного хоть на минуту.

— Служащего от «Рейнгольда» оставляли одного в кабинете?

Фрося снова задумалась, на этот раз дольше.

— Один раз, кажется, да. Барыня вышла распорядиться о чае, а он остался ждать в кабинете один, недолго, минут пять, может, десять.

Андрей переглянулся с Николаем. Пять-десять минут — достаточно, чтобы поставить флакон за книги, если человек знал заранее, зачем пришёл.

— Когда это было?

— Не помню точно. Кажется, во второй его визит, уже после похорон.

— После похорон, но пузырёк нашли только при повторном осмотре, спустя месяцы. Возможно ли, что он лежал там всё это время незамеченным?

— Дарья Кузьминична сказала бы, если б заметила. Она внимательная.

Круг сужался и одновременно расширялся — исчезала простая версия «только вдова», но появлялась не менее простая версия «служащий Рейнгольда», которая могла оказаться такой же удобной ложью, только в другую сторону.

— Последнее, Фрося, — сказал Андрей. — Вы помните, как звали кучера, который возил барина к докторам в последние месяцы?

— Пантелей, я же говорила.

— Он всегда возил, или иногда кто-то другой?

— Обычно Пантелей. Один раз, помню, барин ездил сам, без кучера, нанял извозчика прямо у ворот — Пантелей в тот день был болен.

— Куда ездил?

— Не докладывался мне, сударь. Я мимо окна видела только, как он садится.

— Когда это было?

Фрося наморщила лоб, вспоминая.

— За месяц до смерти, может, чуть раньше. Он вернулся уставший, велел не тревожить весь вечер.

— Дарья Кузьминична знает об этой поездке?

— Не уверена. Меня она в тот день отправила по хозяйству в другую часть дома, могла и не заметить сама.

Андрей отметил это отдельно — ещё одна деталь, которую предстояло свериться с экономкой напрямую, не через пересказ.

— Спасибо, Фрося. Вы очень помогли.

Девушка впервые за разговор слегка расслабила плечи.

— Барыню не накажут за то, что я рассказала про гостью в платке?

— Я не собираюсь никого наказывать. Собираю правду, чтобы защитить вашу барыню лучше, а не хуже.

— Дай бог, — сказала она тихо и почти неосознанно перекрестилась, коротким, привычным движением.

Андрей поблагодарил девушку, отпустил её, и когда за ней закрылась дверь, повернулся к Николаю.

— Две женщины в тёмном платке. Или одна, но с перепутанными датами.

— Дарья Кузьминична производит впечатление человека, который не путает даты, — сказал Николай. — А эта совсем молодая, взволнованная, могла ошибиться легко.

— Могла. Но экономка тоже могла ошибиться нарочно, если у неё есть причина скрывать точное время визита.

— Зачем ей скрывать?

— Не знаю. Пока просто отмечаю расхождение.

Они вышли из дома через кухонную дверь, минуя парадную, — Дарья Кузьминична проводила их коротким взглядом от лестницы, не подходя ближе.

На улице Николай сказал:

— Первое настоящее противоречие в показаниях.

— Первое, — согласился Андрей. — Будут ещё, если продолжать спрашивать так подробно.

— Это хорошо для защиты или плохо?

Андрей задумался, прежде чем ответить.

— Противоречия — это не хорошо и не плохо сами по себе. Это трещины, через которые видно, что картина не такая ровная, как её представляет обвинение. Куда они ведут, я пока не знаю.

Они дошли до перекрёстка молча, и только там Николай спросил, тише обычного:

— Сергей Николаевич, вы допрашиваете людей так, будто делали это уже тысячу раз. Не только в этом деле — вообще. Раньше я такого не замечал.

Андрей остановился.

— К чему ты это говоришь?

— Ни к чему. Просто наблюдение. — Николай не отвёл взгляд, хотя обычно в таких разговорах первым отворачивался он. — Вы задаёте вопросы в правильном порядке. Сначала безопасные, чтобы человек привык отвечать, потом те, что бьют. Это не выучивается за месяц практики, Сергей Николаевич. Этому учатся годами или...

Он не договорил.

— Или что?

— Или это было в вас раньше, просто спало. — Николай пожал плечами не слишком уверенно. — Не знаю. Простите, если лезу не в своё дело.

— Лезешь, — сказал Андрей ровно, без упрёка. — Но вопрос справедливый.

— И что ответите?

— Что не могу объяснить это лучше, чем ты сам себе объясняешь.

Николай посмотрел на него долго, потом кивнул — принял ответ внешне, хотя явно не был им удовлетворён внутренне.

— Хорошо. — Он поймал извозчика взмахом руки. — Тогда просто отмечу для себя и оставляю пока в покое.

— Пока?

— Пока, Сергей Николаевич. — Николай улыбнулся коротко, без веселья в глазах. — Я третий год работаю рядом с вами. Умею ждать дольше, чем большинство людей думает.

Экипаж подъехал, и разговор оборвался сам собой — не потому, что был исчерпан, а потому, что оба, кажется, понимали: продолжать его на людной улице не время.

Всю дорогу до конторы Андрей молчал, глядя в окно, и думал не о Нечаевой, не о пузырьке за книгами и не о женщине в тёмном платке — а о том, сколько ещё таких разговоров ему предстоит выдержать, прежде чем кто-то из тех, кто знал прежнего Корсакова близко, перестанет довольствоваться словом «обстоятельства» и потребует настоящего ответа.

В конторе Громов уже ждал их с вопросом на лице, не успев ничего спросить вслух.

— Ну? — сказал он, когда оба вошли.

— Два противоречия, — ответил Андрей, снимая пальто. — Экономка и горничная по-разному помнят время визита неизвестной женщины в тёмном платке. И была поездка Нечаева без кучера, за месяц до смерти, о которой Дарья Кузьминична, возможно, не знает вовсе.

Громов слушал внимательно, не перебивая, пока Андрей не закончил пересказ.

— Женщина в платке меня беспокоит больше поездки, — сказал он наконец. — Компания, бедная родственница, кто-то в этом роде. Список таких людей у вдовы небольшой — вы уже спрашивали её напрямую?

— Ещё нет. Собираюсь сегодня же.

— Тогда идите, пока Оболенцев не спросил её первым. Если у неё есть подруга или родственница, приходившая тайно, лучше, чтобы вы узнали имя раньше следствия, а не после.

— Согласен.

Николай, снимавший пальто у вешалки, добавил, не оборачиваясь:

— Ещё нужно проверить, куда ездил Нечаев в тот день без кучера. Извозчики на стоянке у дома Нечаевых часто одни и те же, могут вспомнить.

— Хорошая мысль, — сказал Андрей. — Займись этим завтра утром, если время позволит.

— Позволит.

Громов посмотрел на обоих по очереди, потом коротко усмехнулся — без особой весёлости, скорее с усталым одобрением.

— Два дня в доме, и уже три новых нити. Хорошее начало для дела, которое обвинение считает простым.

— Простое дело обычно и остаётся простым только для тех, кто не спрашивает горничных подробно, — сказал Андрей.

— Совершенно с вами согласен, — ответил Громов, и в этой короткой фразе было больше одобрения, чем в любой из предыдущих.

Глава 8. Прошлое покойного

Нечаева приняла их снова в конторе, на этот раз без служанки — Дарья Кузьминична осталась в приёмной, сославшись на дела.

— Вы хотели видеть меня срочно, — сказала она, садясь. — Что-то случилось?

— Мне нужно спросить про женщину, которая приходила к вам домой в тёмном платке. Дважды, по разным свидетельствам, хотя, возможно, это одна и та же гостья, а даты просто путаются в чужой памяти.

Нечаева на мгновение застыла — едва заметно, но Андрей уже научился видеть эти доли секунды.

— Кто вам об этом сказал?

— Прислуга. Не важно, кто именно — важно, чтобы я узнал от вас раньше, чем это выяснит следствие само.

Она сняла перчатки — впервые за все встречи — и положила на колени, медленно, тем же движением, каким Лавров когда-то снимал свои в этой самой конторе.

— Это моя кузина, Варвара Дмитриевна. Она живёт скромно, работает компаньонкой у пожилой дамы на Петербургской стороне. Приходила навестить меня — сначала при жизни мужа, один раз, потом ещё раз, после похорон.

— Почему тайно?

— Не тайно. Просто без предупреждения экономке заранее — Варя не любит, когда её визиты обставляют парадно. Она бедная родственница, Сергей Николаевич, и очень остро это чувствует. Предпочитает заходить, как обычная гостья, без доклада через весь дом.

— Дарья Кузьминична и Фрося помнят это по-разному во времени. Одна говорит — до смерти, другая — после.

— Возможно, обе правы, — сказала Нечаева спокойно. — Варя приходила дважды, я же сказала. Один раз при жизни Петра, другой — после. Ничего странного в этом нет.

Объяснение звучало гладко — слишком гладко для человека, который до этого момента отвечал короткими, неохотными фразами.

— Мне нужен адрес вашей кузины.

— Зачем?

— Чтобы следствие, если дойдёт до неё само, не застало меня врасплох тем, что она скажет.

Нечаева помолчала, потом кивнула — согласилась с логикой вопроса, хотя явно не разделяла её до конца.

— Дам адрес. Только прошу — не пугайте её визитом следователя без предупреждения. Она пожилая душой женщина, хотя ей чуть за тридцать, и не привыкла к таким разговорам.

— Постараюсь быть деликатным.

— Спасибо.

Андрей записал адрес, который она продиктовала, и перешёл к следующему вопросу.

— Ещё одно. В доме говорят о поездке вашего мужа без кучера, месяца за полтора до смерти. Он нанял извозчика прямо у ворот. Вы знали об этом?

Нечаева нахмурилась, вспоминая.

— Да, что-то припоминаю. Он вернулся уставшим, сказал только, что ездил по делам конторы. Я не расспрашивала — он и так плохо себя чувствовал, а разговоры о делах его утомляли ещё сильнее.

— Куда именно, не говорил?

— Нет.

— У вас есть предположения?

— Он вёл дела с несколькими конторами, я не всегда знала все подробности. Могу только гадать.

Андрей отметил это как ещё один вопрос без ответа — не ложь, но и не полнота.

Оставшись с этим впечатлением, он перешёл к главному, ради чего, собственно, договорился о новой встрече.

— Анна Дмитриевна, я нанял человека для розыска — фамилия Ковалёв, доверенное лицо конторы. Он будет наводить справки о вашем покойном муже: с кем вёл дела, кто мог иметь причины желать ему зла или выгоды от его смерти помимо естественных наследственных интересов.

— Понимаю.

— Мне нужно, чтобы вы рассказали о его делах как можно подробнее. Партнёры, конкуренты, старые ссоры, если были.

Нечаева задумалась надолго.

— Пётр вёл торговое дело — поставки тканей, в основном с юга, через посредников. Дела шли неровно последние годы — то лучше, то хуже. Были партнёры, с которыми расставались недовольными, кажется, один судебный спор лет пять назад, ещё до нашей свадьбы.

— С кем спор?

— Не помню фамилии точно. Что-то на «С» — Соколов, может быть, или Свешников. Спросите в его старых бумагах, если что-то осталось после следствия.

— Осталось немного, как я понимаю.

— То, что не сожгла я и не забрало следствие, — да, немного.

Она произнесла это без вызова, просто как факт, и Андрей снова отметил её удивительную способность признавать неудобные вещи прямо, не оправдываясь и не защищаясь.

— Прежде чем продолжить, ещё один вопрос о самой ночи, когда всё началось, — сказал Андрей. — Кто первым обнаружил, что мужу плохо, в ту ночь, когда вы вызвали доктора в последний раз перед смертью?

— Я. Проснулась от того, что он застонал, позвала Дарью Кузьминичну, послали за Величко.

— Долго доктор добирался?

— Около получаса, кажется. Ночь была поздняя, извозчиков на улице почти не было.

— За это время муж говорил что-нибудь важное?

Нечаева задумалась, будто заново переживая ту ночь.

— Говорил, что боится не успеть сказать что-то мне. Я не поняла тогда, что именно, — списала на горячку и слабость. Теперь думаю об этом иначе.

— Он не договорил?

— Нет. Заснул или потерял сознание, точно не помню разницу в тот момент. К утру ему стало немного лучше, а через неделю он умер уже во сне, без мучений, насколько я могу судить.

Андрей записал это отдельно — незаконченная фраза умирающего человека звучала как ещё одна нить, ведущая туда же, куда вели все остальные: к тайне, которую Нечаев не успел или не решился раскрыть жене до конца.

— Расчётная контора «Рейнгольд и сыновья» — как давно ваш муж вёл с ними дела?

— Года три, кажется. Раньше пользовался услугами другой конторы, перешёл к «Рейнгольду» по совету кого-то из знакомых. Причину перехода не помню — были то ли лучше условия, то ли просто удобнее расположение.

— Вы когда-нибудь встречались с кем-то из «Рейнгольда» лично?

— Раз или два, на деловых обедах, куда Пётр брал меня для приличия. Помню только общее впечатление — солидные, вежливые, ничего особенного.

— Молодого служащего, худого, торопливого, помните?

Нечаева задумалась.

— Возможно, видела мельком, но лица не могу вспомнить точно. Он приходил в основном к мужу, не ко мне.

Андрей кивнул, записывая, и решил зайти с другой стороны.

— Кто выигрывал от смерти вашего мужа, кроме вас? Наследство большое?

— Не огромное, но достаточное. Дом, некоторая сумма в банке, доля в торговом деле, которую после смерти нужно было либо продать, либо передать управляющему. Наследников, кроме меня, формально нет — детей у нас не было, родители Петра умерли раньше него.

Слово о детях кольнуло Андрея неожиданно — он вспомнил вопрос Лизы, заданный несколько дней назад, и то, что до сих пор так и не спросил об этом сам.

— Простите за личный вопрос — у вас были дети?

Нечаева на секунду отвела взгляд, впервые за весь разговор.

— Один ребёнок, дочь. Умерла во младенчестве, семь лет назад. Пётр после этого замкнулся на несколько лет, я тоже. Мы говорили об этом редко.

— Простите, что спросил.

— Ничего. Вы имели право спросить, раз спрашиваете обо всём остальном.

Она произнесла это тихо, без упрёка, но Андрей почувствовал, что где-то за этой короткой фразой лежит целая история, которую он не имел права требовать раскрыть силой.

— Кто ещё мог претендовать на долю в деле мужа? Партнёры, кредиторы?

— Партнёров формально не было — Пётр вёл дело единолично, нанимая приказчиков. Кредиторы — обычные, торговые, ничего необычного для человека его положения.

— «Рейнгольд» был кредитором или только посредником в расчётах?

— И то, и другое, кажется. Точнее спросите у них самих или в бумагах, если сохранились.

Андрей закрыл блокнот.

— Спасибо, Анна Дмитриевна. Это уже больше, чем я знал утром.

— Хотела бы я сказать то же самое о собственном понимании происходящего.

— В каком смысле?

— В том смысле, что вы задаёте вопросы, а я отвечаю, но общая картина не становится яснее ни для меня, ни, кажется, для вас. Мы оба просто узнаём всё больше отдельных фактов.

— Так работает расследование, Анна Дмитриевна. Сначала факты, потом картина. Не наоборот.

— Утешительная философия для человека, чья жизнь зависит от того, сложится ли эта картина в его пользу.

Андрей не нашёл, что возразить на это честно.

— Я понимаю ваше нетерпение. Обещать быстрый результат не могу.

— Я не жду обещаний. Просто вслух подумала.

Она поднялась, давая понять, что разговор окончен.

— Ещё раз про кухню, — сказала Нечаева у двери. — Прошу вас, будьте с ней бережны. Она единственный близкий мне человек, оставшийся после всего случившегося.

— Буду.

Нечаева ушла, и Андрей ещё некоторое время сидел, глядя на записанный адрес Варвары Дмитриевны, думая о том, что список людей, требующих бережного обращения в этом деле, растёт с каждым днём — Нечаева просила беречь кухню, Лавров в своё время просил бережности к самому Андрею, а сам он всё чаще ловил себя на мысли, что бережность и правда в его работе не всегда идут рука об руку.

Громов зашёл через несколько минут, застав Андрея всё ещё сидящим над записями.

— Как прошло?

— Она объяснила визиты кухни. Варвара Дмитриевна, компаньонка на Петербургской стороне, приходила дважды — до и после смерти мужа. Звучит правдоподобно.

— Но?

— Но слишком гладко для человека, который до этого отвечал короткими фразами и молчал там, где хотела молчать. Будто заранее знала, что вопрос прозвучит, и подготовила ответ.

Громов сел напротив, взял со стола записанный адрес, прочитал.

— Проверите сами или пошлёте Ковалёва?

— Схожу сам. Обещал Нечаевой бережность — вряд ли Ковалёв, при всём уважении к его умениям, славится бережностью с испуганными компаньонками.

— Разумно. — Громов вернул листок. — Что ещё узнали?

— У них была дочь. Умерла во младенчестве, семь лет назад.

Громов помолчал.

— Это многое объясняет в её манере держаться. Люди, пережившие такую потерю, часто отвечают на вопросы жизни короче, чем остальные — учатся беречь слова для того, что действительно важно.

— Или учатся прятать за короткими ответами то, что для чужих ушей не предназначено.

— Оба объяснения верны одновременно, Сергей Николаевич. Это не исключает друг друга.

Андрей кивнул, признавая правоту.

— Ещё нашёл, что покойный ездил без кучера за полтора месяца до смерти, и она не знает точно, куда. Не готова была ответить или правда не знает.

— Третий вариант, — сказал Громов. — Знает, но не тот адрес, что вы предполагаете, и потому не хочет называть, пока не уверена, что он не бросит на неё тень.

— Тоже возможно.

— У вас становится слишком много «возможно» на одно дело.

— У меня их было бы меньше, если бы люди отвечали прямо хоть иногда.

Громов усмехнулся коротко.

— Люди никогда не отвечают прямо, когда есть что терять. Привыкайте — это основа профессии, не досадное препятствие к ней.

Николай заглянул в дверь.

— Ковалёв прислал первую записку. Пока ничего решающего — только подтверждение, что Мезенцев действительно существует и служил в разных торговых конторах, последнее место — как раз через посредничество «Рейнгольда».

— Уже кое-что.

— И ещё он спрашивает, стоит ли ему параллельно наводить справки о дочери Нечаевых — умершей семь лет назад. Сказал, что случайно наткнулся на упоминание в церковной книге, пока проверял другое.

Андрей на секунду замер.

— Пусть не трогает эту тему, пока я не скажу отдельно. Это личное горе, не относящееся к делу, насколько я вижу сейчас.

— Хорошо, передам.

Николай вышел, а Андрей остался сидеть, глядя на записи, думая о том, что даже самое чужое, самое старое горе имеет странную привычку возвращаться в дело, когда его меньше всего ждёшь.

Он достал чистый лист и начал заново выписывать всех, кто прошёл через дело за неделю: Дарья Кузьминична с ключом от кабинета, Фрося с её противоречивыми датами, молодой служащий «Рейнгольда», оставленный однажды в кабинете один, кузина в тёмном платке, безымянный человек от Совета, спрашивавший старые бумаги, и сам Мезенцев, всё ещё существующий только как фамилия в чужих записках.

Список получался длиннее, чем позволяло здоровое чувство простоты. Андрей вспомнил слова Громова о красивых версиях, которые опаснее уродливых, и заставил себя не выбирать

пока никого из списка — просто оставить все имена рядом, на одном листе, до тех пор, пока факты сами не начнут выталкивать лишних.

За окном стемнело окончательно. Контора опустела, только в приёмной ещё слышались редкие шаги Николая, убиравшего бумаги перед уходом.

Андрей сложил список вчетверо и убрал в тот же ящик, где хранил лист о себе самом — два разных вида правды, запертые в одном месте, ожидающие своего часа.

Глава 9. Зачем травить умирающего

Оболенцев прислал записку утром: заключение экспертизы готово, следствие ждёт защиту для ознакомления.

Кабинет следователя выглядел иначе, чем в прошлый раз, — на столе лежала не тонкая папка, а целая стопка листов, перевязанная тесьмой.

— Экспертное заключение по вскрытию, — сказал Оболенцев, разворачивая тесьму. — Полное, не выжимка, которую я вам пересказывал раньше. Читайте сами.

Андрей взял верхний лист. Медицинский язык был сухим, полным латинских терминов, но общий смысл проступал ясно даже без специального образования: болезнь печени, зашедшая далеко, необратимые изменения тканей, и отдельным пунктом — следы мышьяковистого соединения, обнаруженные при повторном, более тщательном исследовании.

— Доктор Величко подтвердил диагноз ещё на прошлой неделе, — сказал Андрей, не поднимая глаз от листа. — Заболевание было смертельным независимо от каких-либо посторонних веществ.

— Знаю. Экспертиза подтверждает то же самое отдельно, независимым врачом. Смотрите дальше — там есть параграф о времени наступления смерти относительно возможного отравления.

Андрей перелистнул.

— «Учитывая тяжесть основного заболевания, установить с точностью, ускорило ли обнаруженное вещество наступление смерти на дни или недели, не представляется возможным без дополнительных данных, отсутствующих на момент экспертизы».

— Осторожная формулировка, — заметил Николай, читавший через плечо.

— Врачи умеют быть осторожными, когда не уверены, — сказал Оболенцев. — Это не их вина и не их достижение. Это медицина, а не судопроизводство: не всё можно взвесить на весах точно.

— Есть ещё один параграф, который вас заинтересует, — сказал Оболенцев, доставая отдельный лист из стопки. — Про степень доступности вещества для человека без специальной подготовки.

Андрей прочитал вслух:

— «Приобретение и применение указанного соединения не требует специальных познаний в химии или фармации сверх тех, что доступны любому грамотному человеку через справочную литературу либо консультацию аптекаря».

— Проще говоря, — сказал Оболенцев, — отравить таким веществом мог кто угодно, не обязательно врач или аптекарь. Достаточно желания и минимальной осторожности.

— Это расширяет круг подозреваемых, а не сужает.

— Именно поэтому я и показываю вам этот параграф в первую очередь, а не прячу его в стопке до суда. Обвинение будет использовать его, чтобы сказать: у любого, включая вашу клиентку, была техническая возможность. Защита может использовать его же, чтобы сказать: возможность была у любого, значит, она сама по себе ничего не доказывает.

— Один документ, два прочтения.

— Так почти всегда бывает с экспертизой, Сергей Николаевич. Она даёт факты, не приговор. Приговор строят из фактов люди, а не бумага.

Андрей отложил лист, посмотрел на следователя прямо.

— Михаил Васильевич, у меня к вам вопрос, который я задавал доктору Величко и хочу задать ещё раз, вам как следователю: зачем травить человека, который и без того умирает?

Оболенцев не ответил сразу — сел за стол, сложил руки, будто взвешивая, насколько подробно можно говорить с защитником об этом вслух.

— У обвинения на этот счёт есть версия, и я обязан её вам представить, раз показываю материалы. Первая: нетерпение. Смерть могла тянуться месяцами, а наследнице нужны были деньги или свобода раньше. Вторая: страдание. Кто-то мог решить ускорить конец из жалости, не будучи готовым признаться в этом даже себе. Третья, самая неудобная для защиты: яд подложен не для убийства, а для создания видимости убийства — чтобы формальный повод для обвинения появился тогда, когда это кому-то понадобилось, независимо от истинной причины смерти.

Андрей замер, глядя на следователя внимательнее.

— Третья версия — это ваша личная мысль или часть официального заключения?

— Личная. Экспертиза таких вещей не пишет, это не её работа. Но вы спросили прямо, я отвечаю прямо.

— Вы допускаете, что кто-то намеренно создал видимость отравления там, где его, возможно, и не было по-настоящему? Что флакон подбросили не для того, чтобы убить, а чтобы обвинить?

— Допускаю. Как одну из версий, не более весомую, чем остальные, пока факты не начнут выстраиваться яснее в одну сторону.

Николай, молчавший до этого, спросил тихо:

— Если это так, кому и зачем понадобилось обвинить именно Анну Дмитриевну?

Оболенцев посмотрел на него с интересом — редкий случай, когда следователь напрямую обращался к помощнику, а не к Андрею.

— Хороший вопрос для человека, записывающего протокол. Ответ у меня один: не знаю. Но замечу, что человек, желающий отвести подозрение от истинной причины смерти, выбрал бы жертву не случайно, а ту, что находится ближе всех и вызывает меньше всего сочувствия у обычной публики. Молодая вдова с наследством подходит для этой роли безупречно.

— Значит, вы сомневаетесь в виновности вдовы больше, чем показываете официально, — сказал Андрей.

— Я не сомневаюсь и не уверен, Сергей Николаевич. Я держу равновесие, пока факты не перевесят чашу в одну сторону. Это моя работа, а не жест доброй воли к вашей клиентке.

Андрей кивнул, принимая формулировку.

— Что с флаконом? Экспертиза установила источник, аптеку?

— Аптека на Литейном подтвердила — препараты такого состава продавались там регулярно, продажа фиксируется в книге только по рецептурным лекарствам, а этот состав в малых дозах отпускался и без рецепта, для истребления грызунов и подобных надобностей. Проследить конкретного покупателя невозможно — таких продаж за год десятки.

— Значит, купить его мог кто угодно, знакомый с аптечным делом хотя бы поверхностно.

— Кто угодно, — подтвердил Оболенцев. — Это ослабляет обвинение против конкретно вашей клиентки, но не снимает подозрения полностью — она тоже входит в число тех, кто мог купить.

— Наравне с десятками других людей.

— Наравне, — согласился следователь. — Но она единственная, у кого был прямой мотив, прямой доступ и, как выяснилось, привычка запирается одна в кабинете покойного мужа с закрытой дверью.

Андрей промолчал — крыть было нечем, факт оставался фактом, вне зависимости от того, как его интерпретировать.

— Что дальше? — спросил он вместо возражения.

— Дальше я продолжаю проверять остальные версии, включая вашу «Рейнгольда» и Мезенцева, раз уж вы сами навели меня на этот след. Пока не нашёл ничего, что бы прямо связывало их с флаконом, но связь с деньгами покойного прослеживается, и я не намерен её игнорировать только потому, что она неудобна для скорого закрытия дела.

— Это обнадёживает.

— Не обнадёживайтесь слишком рано, Сергей Николаевич. Я слежу за всеми нитями одинаково внимательно, включая ту, что ведёт прямо к вашей клиентке.

Они вышли от Оболенцева ближе к полудню. На улице моросил мелкий дождь, редкий для этого времени года, и Николай раскрыл зонт, не дожидаясь просьбы.

— Что скажете про третью версию следователя? — спросил он, когда они пошли к экипажу.

— Скажу, что она совпадает с моей собственной, которую я озвучил Громову в первый же день, — про то, что яд подбросили не для убийства, а для отвлечения. Приятно, когда следователь начинает думать в том же направлении, что и защита, хотя официально мы по разные стороны.

— Это не всегда приятно, Сергей Николаевич. Иногда это значит, что версия просто слишком очевидна для всех, кто смотрит на дело внимательно, и обвинение уже готовит контраргумент, чтобы разбить её на суде.

Андрей взглянул на него — замечание было точным, слишком точным для случайного наблюдения.

— Ты рассуждаешь как человек, который уже видел не одно уголовное дело изнутри.

— Три года в конторе присяжного поверенного кое-чему учат, Сергей Николаевич, даже помощника, который сам за пером сидит чаще, чем за столом переговоров.

Ответ был безупречно логичным и всё же не до конца снимал ощущение, что Николай знает больше, чем показывает, — привычка, которую Андрей за последние недели начал узнавать слишком хорошо, потому что видел её каждый день в зеркале, если бы зеркало умело отражать не лицо, а мысли.

В контору вернулись молча. Андрей разложил экспертное заключение на столе рядом со списком имён, составленным накануне.

Громов, услышав пересказ, долго листал заключение, потом отложил его в сторону.

— Оболенцев необычно откровенен для следователя на этой стадии дела.

— Я заметил.

— Есть у вас мысли, почему?

Андрей задумался, прежде чем ответить.

— Может быть, ему самому не нравится простая версия. Может быть, он видит те же нестыковки, что и я, но не может официально признать сомнения, пока не найдёт замену подозреваемому.

— Или он проверяет вас, — сказал Громов. — Смотрит, как вы используете откровенность — строите защиту умно или хватаетесь за первое удобное объяснение.

— Тоже возможно.

— У вас снова слишком много «возможно».

— Тогда добавлю одно менее возможное, а более твёрдое, — сказал Андрей. — Экспертиза подтвердила: болезнь была смертельной сама по себе, диагноз известен заранее, обеим сторонам, за несколько месяцев. Это не снимает подозрения, но снимает самый простой мотив — избавиться от больного мужа ради денег прямо сейчас, не дожидаясь естественного конца. Ждать оставалось недолго в любом случае.

Громов кивнул, признавая довод.

— Хороший тезис для будущей защитной речи, если дело дойдёт до суда. Запишите его отдельно, не полагайтесь на память — даже свою нынешнюю, куда более цепкую, чем месяц назад.

— Запишу.

Николай, раскладывавший бумаги у соседнего стола, добавил, не поднимая головы:

— Мезенцев отправил вторую записку через Ковалёва. Ничего решающего, но подтверждает: он действительно бывал у дома Нечаевых, хотя сам факт визитов пока не связывает с ядом напрямую.

— Уже неплохо для второй недели, — сказал Громов. — Что говорит Ковалёв о самом Мезенцеве? Где он сейчас, чем занят?

— Служит в небольшой конторе на Лиговской, — ответил Николай, заглянув в записку. — Ковалёв установил адрес, но пока не подходил к нему напрямую — хотел сначала понять круг знакомств, прежде чем показываться.

— Разумная осторожность, — сказал Андрей. — Если он связан с делом хоть немного, прямой вопрос от незнакомого человека может его спугнуть раньше времени.

— Именно об этом Ковалёв и пишет, — подтвердил Николай. — Просит ещё неделю на осторожное наблюдение, прежде чем выходить на разговор.

Громов побарабанил пальцами по столу.

— Неделя — терпимо. Но не больше. Совет по жалобе Молчанова уже дышит в спину, и мне не хотелось бы объяснять задержку с одним делом задержкой в другом.

— Понимаю, — сказал Андрей.

— Тогда занимайтесь дальше. И, Сергей Николаевич, — Громов сделал паузу у двери, — хорошо, что вы записываете тезисы для речи заранее. Это привычка человека, который готовится выигрывать дело, а не просто отбиваться от обвинений по мере поступления. Раньше у вас такой привычки не было.

Он вышел, оставив Андрея наедине с этим замечанием, которое прозвучало и как похвала, и как ещё одно напоминание о том, что перемену в нём видят все, кто знал его достаточно долго, чтобы иметь право сравнивать.

Андрей посмотрел на список имён на столе, потом на заключение экспертизы рядом, и подумал, что дело, начавшееся с простого вопроса «зачем травить умирающего», всё больше превращается в вопрос «кому было выгодно, чтобы за это обвинили именно её» — и второй вопрос был куда труднее первого.

Глава 10. Совет

Зал заседаний Совета присяжных поверенных оказался меньше, чем Андрей себе представлял, — длинный стол, за которым сидели шестеро немолодых мужчин в строгих сюртуках, и несколько рядов стульев для тех, кого не пригласили к столу.

Громов сидел рядом с Андреем, справа от него — свободное место, куда через несколько минут после начала заседания сел Молчанов, ровный, прямой, с папкой бумаг под мышкой.

Председательствовал старик с седыми бакенбардами, представившийся Разумовским, — Андрей слышал эту фамилию раньше, кажется, от Громова, в контексте давних, ещё дореформенных дел.

— Заседание объявляю открытым, — сказал Разумовский. — Рассматривается жалоба присяжного поверенного Молчанова на помощника присяжного поверенного Корсакова по факту получения последним трёхсот рублей без надлежащего оформления поручения. Господин Молчанов, изложите существо жалобы.

Молчанов поднялся, раскрыл папку.

— Господа члены Совета, обстоятельства просты. Я передал названную сумму господину Корсакову от имени доверителя по устной договорённости о розыске сведений, касающихся фабричного дела Крестовских. Договорённость не была оформлена письменно, что уже само по себе нарушение. Далее, спустя короткое время, господин Корсаков перестал выходить на связь, не отчитался о расходовании средств и, насколько мне известно, использовал часть суммы не по назначению, определённом доверителем.

— Что значит «не по назначению»? — спросил один из членов Совета, мужчина помоложе остальных, с внимательным взглядом.

— Насколько я понимаю, часть денег пошла на розыск через частного агента по вопросам, не имеющим прямого отношения к порученному делу.

— У вас есть тому доказательства, господин Молчанов, или это ваше предположение?

— Предположение, основанное на молчании самого господина Корсакова в течение почти месяца после получения суммы. Молчание в таких делах редко бывает случайным.

— Молчание бывает разным, — заметил председатель. — Продолжайте изложение.

— Изложение окончено, господин председатель. Факты просты: деньги получены, отчёт не представлен своевременно, договорённость не оформлена. Остальное — на усмотрение Совета.

Он сел, положив папку перед собой аккуратно, будто ставил точку в предложении, которое не собирался продолжать.

Разумовский повернулся к Андрею.

— Господин Корсаков, что скажете?

Андрей поднялся, чувствуя на себе взгляды шестерых человек, каждый из которых десятилетиями определял, кто достоин звания присяжного поверенного, а кто нет.

— Господа, факт получения трёхсот рублей я признаю полностью. Договорённость действительно не была оформлена письменно — это моё упущение, за которое готов нести любую дисциплинарную ответственность, которую сочтёт нужной Совет.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Что касается расходов: двести рублей были переданы агенту по розыскным делам, Ковалёву, за проверку обстоятельств, связанных с порученным розыском. Расписка сохранилась и представлена Совету заранее вместе с объяснением. Оставшаяся сумма зарезервирована мной до полного выяснения обстоятельств дела, поскольку сам розыск оказался связан с более широким кругом вопросов, чем предполагалось изначально.

— Каких вопросов? — спросил тот же внимательный член Совета.

Андрей на секунду замялся, взвешивая, насколько подробно можно говорить.

— Розыск вывел на обстоятельства, о которых я связан обязательством не разглашать подробности до завершения проверки — это касается интересов третьих лиц, не участвующих в настоящем разбирательстве.

Молчанов усмехнулся, не скрывая скепсиса.

— Удобная формулировка для человека, который просто не может объяснить, куда делись деньги доверителя.

— Господин Молчанов, — вмешался Разумовский сухо, — здесь вопросы задаёт Совет, не вы. Прошу воздержаться от комментариев вне очереди.

Молчанов кивнул, но выражение лица осталось прежним.

Разумовский снова обратился к Андрею.

— Господин Корсаков, вы утверждаете, что расследование, начатое на средства доверителя по фабричному делу, привело вас к иным обстоятельствам. Готовы ли вы предоставить Совету хотя бы общее направление этих обстоятельств, без деталей, нарушающих ваше обязательство о неразглашении?

Андрей взглянул на Громова, тот едва заметно кивнул.

— Могу сказать, что розыск затронул вопросы, связанные с моим собственным прошлым — с событиями, предшествовавшими травме, о которой известно членам Совета. Именно эта связь заставила меня продолжить проверку за пределы первоначального фабричного дела, используя часть уже полученных средств.

Один из членов Совета, молчавший до этого, нахмурился.

— Вы хотите сказать, что использовали деньги доверителя для расследования собственных личных обстоятельств?

— Я хочу сказать, что первоначальное поручение и мои личные обстоятельства оказались переплетены теснее, чем я предполагал, принимая деньги. Это не оправдание отсутствия письменного оформления. Это объяснение того, куда именно пошла часть суммы и почему отчёт задержался.

В зале никто не заговорил сразу — члены Совета молча взвешивали услышанное, каждый, кажется, по-своему.

Разумовский заговорил первым:

— Господин Корсаков, Совету известны обстоятельства вашей травмы и последовавшей потери памяти. Мы относились к этому снисходительно первые месяцы. Готовы ли вы признать, что снисхождение не может длиться бесконечно, и рано или поздно вам придётся либо восстановить полную ясность в делах, либо принять последствия её отсутствия?

— Признаю, господин председатель.

— Хорошо, что признаёте. — Разумовский обвёл взглядом остальных членов Совета. — Есть ли у кого-то ещё вопросы к сторонам?

Вопросов больше не последовало.

— Тогда объявляю заседание оконченным в части заслушивания сторон. Решение Совет вынесет отдельным присутствием, о времени будет сообщено дополнительно.

Все поднялись. Молчанов, собирая бумаги, задержался у стола ровно настолько, чтобы поймать взгляд Андрея.

— Красиво сказано про переплетённые обстоятельства, — сказал он тихо, почти по-дружески. — Жаль, что за красотой формулировки не стоит ничего, что можно проверить.

— Проверяемое появится, когда придёт время, — ответил Андрей так же тихо.

— Придёт ли оно раньше решения Совета — вот в чём вопрос.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Громов, наблюдавший этот короткий обмен со стороны, подошёл, когда Молчанов скрылся за дверью.

— Он что-то знает больше, чем показывает, — сказал Андрей тихо.

— Многие в этом деле что-то знают больше, чем показывают. Вопрос в том, кто из них знает то, что действительно важно, а кто просто хорошо блефует.

— К какой категории вы бы отнесли Молчанова?

Громов задумался.

— К той, что умеет использовать чужую неопределённость в свою пользу, даже не зная точно, что за ней стоит. Это не значит, что он невиновен в остальном. Просто значит, что его уверенность сейчас — оружие, не знание.

Они вышли на улицу. Дождь, начавшийся утром, к обеду прекратился, оставив мокрые отблески на камнях мостовой.

— Как вам первое появление перед Советом? — спросил Громов.

— Хуже, чем зал суда.

— Естественно. В зале суда решают вашу судьбу по конкретному делу. Здесь решают, останетесь ли вы вообще человеком, которому позволено вести дела в этом городе.

— Утешительное сравнение.

— Я не утешаю, Сергей Николаевич. Я объясняю масштаб. — Громов бросил на него внимательный взгляд. — Вы держались достойно. Не идеально — формулировка про «переплетённые обстоятельства» была рискованной, могла прозвучать как уклонение. Но достойно.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это наблюдение, не комплимент.

Один из членов Совета — тот самый, что задавал самые внимательные вопросы, — догнал их у выхода из здания.

— Господин Корсаков.

Андрей остановился.

— Слушаю вас.

— Не представился внутри — Ветлугин, Павел Егорович. — Он протянул руку. — Хотел сказать без протокола: ваш ответ про переплетённые обстоятельства был необычным. Большинство на вашем месте либо лгали бы уверенно, либо молчали виновато. Вы выбрали третий путь — сказать правду, но не всю.

— Это было заметно?

— Опытному глазу — да. Не всем в зале, но некоторым.

— Это плохо для меня?

Ветлугин задумался.

— Не обязательно. Совет уважает откровенность больше, чем красивую ложь, даже неполную откровенность. Но советую вам, если получится, к следующему заседанию иметь готовым что-то более конкретное. Абстрактные «личные обстоятельства» звучат убедительно один раз. Дважды — уже подозрительно.

— Учту.

— Учитите. — Он кивнул на прощание и пошёл своей дорогой, оставив Андрея размышлять, был ли этот разговор дружеским советом или предупреждением иного рода.

Громов, слышавший часть разговора издалика, подошёл ближе.

— Ветлугин редко подходит к тем, чьи дела ему безразличны.

— Значит, ему не безразлично моё?

— Значит, он заметил в вас что-то, что счёл достойным личного внимания, а не только протокольного. Это может быть и хорошо, и плохо в равной мере — люди такого склада одинаково внимательно следят и за теми, кому симпатизируют, и за теми, в ком видят загадку, которую хотят разгадать раньше остальных.

— Приятная неопределённость.

— Вся ваша жизнь последний месяц — сплошная приятная неопределённость, Сергей Николаевич. Пора бы уже привыкнуть к этому состоянию и перестать удивляться каждому новому его проявлению.

Они пошли к экипажу молча, и только у самой коляски Громов добавил:

— Решение будет через несколько недель, не раньше. У вас есть время закрыть дело Нечаевой или хотя бы продвинуться в нём достаточно, чтобы иметь что предъявить Совету как довод в свою пользу — успешную защиту, а не только объяснения о задержке отчёта.

— Понимаю.

— Тогда работайте. Времени меньше, чем кажется.

Николай ждал их у конторы, куда пришёл раньше, чтобы подготовить бумаги к вечернему приёму.

— Как прошло? — спросил он, едва они вошли.

— Терпимо, — сказал Громов, снимая пальто. — Сергей Николаевич держался достойно, Молчанов блефовал уверенно, Совет отложил решение. Обычное заседание для необычного дела.

— Молчанов что-то говорил про доказательства?

— Признал, что у него их нет, — сказал Андрей. — Только молчание как косвенный довод.

— Слабая позиция для официальной жалобы.

— Слабая, но пока достаточная, чтобы держать меня в подвешенном состоянии, — Андрей сел за стол, устало потирая лицо. — Совет любит не спешить. Молчанову это на руку — чем дольше висит жалоба, тем дольше я связан условиями и не могу вести дела самостоятельно.

— Значит, ему выгодна не победа, а сама неопределённость, — сказал Николай, записывая что-то себе на отдельный лист.

— Похоже на то.

Громов посмотрел на обоих.

— Тогда наша задача — убрать неопределённость как можно быстрее, с любой стороны, откуда это возможно. Дело Нечаевой сейчас важнее любых формальных объяснений перед Советом. Успешная защита говорит громче любой бумаги.

— Согласен, — сказал Андрей.

— Тогда завтра с утра, пораньше, — снова к делу. Совет подождёт нашего решения ровно столько, сколько мы будем ждать его собственного, не меньше и не больше.

Он вышел, оставив Андрея и Николая одних в комнате, где вечерний свет уже начинал тускнеть за окном, обещая ещё один долгий день впереди.

Глава 11. Обмен

Молчанов прислал записку через посыльного, без объяснений — только адрес трактира на Садовой и время, семь вечера, и приписка: «Один, без Громова».

Андрей показал записку Громову тем же утром. Тот прочитал, вернул.

— Пойдёте?

— Пойду.

— Один, как просит?

— Один. Хочу услышать, что он скажет без свидетелей — иначе он просто не скажет ничего важного.

— Опасно.

— Трактир на Садовой в семь вечера — не переулочек в полночь. Опасность скорее в словах, чем в кулаках.

Громов помолчал, обдумывая.

— Хорошо. Но расскажете мне всё, дословно, сразу по возвращении. И если почувствуете, что разговор уходит в сторону прямых угроз, — уходите сами, не дожидаясь развития.

— Договорились.

Трактир оказался приличным заведением средней руки — не тем местом, где Андрей ожидал встретить присяжного поверенного, но и не совсем неподходящим для тайного разговора: достаточнолюдно, чтобы не привлекать внимания, достаточно тихо в дальних кабинетах, чтобы не быть услышанным.

Молчанов уже сидел за столом в углу, когда Андрей вошёл. Перед ним стоял чайник, две чашки — предусмотрительность, говорившая, что встреча планировалась заранее и подробно.

— Садитесь, Сергей Николаевич. Чаю?

— Спасибо.

Андрей сел напротив. Молчанов налил чай в обе чашки, хотя Андрей не притронулся к своей.

— Вы, наверное, гадаете, зачем я позвал вас сюда, а не продолжаю разговор через Совет.

— Гадаю.

— Тогда не буду тянуть. — Молчанов отставил чайник. — Я хочу предложить вам сделку.

— Слушаю.

— Заберу жалобу. Полностью, без последствий для вас перед Советом. Взамен вы откажетесь от дела Нечаевой — передадите его целиком Громову или кому угодно ещё, но сами устранитесь.

Андрей выдержал паузу, не показывая удивления, хотя внутри всё сжалось от резкости этого прямого предложения.

— Почему вам важно, кто именно ведёт дело Нечаевой?

— Это не имеет отношения к вашему вопросу про жалобу.

— Имеет самое прямое отношение. Вы предлагаете обмен, значит, у вас есть причина. Без причины не может быть сделки, только просьба, а вы не похожи на человека, который просит.

Молчанов посмотрел на него дольше, чем требовал обмен репликами.

— Хорошо. Скажу часть правды, раз вы настаиваете. У меня есть клиенты, чьи интересы связаны с делами покойного Нечаева. Не буду называть, кто — это не в моей власти раскрывать. Скажу только, что чем внимательнее вы копаете в этом деле, тем больше рискуете задеть вещи, не имеющие отношения к вине или невиновности вашей клиентки, но крайне неудобные для людей, которые ничем этой вине не способствовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.